PG
3453
B2
1914a
t.8

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dmitrievich.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

T. 8

Томъ Восьмой

Зеленый Вертоградъ

VIII. 8.

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1911

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли. (Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. За упокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый городъ", „Джіоконда", „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ Лербергъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

V-78 691
OP 28234

К. Д. Бальмонтъ

Типография В. Н. Воронова. Москва, Моховая, д. кн. Гагарина.

Зеленый Вертоградъ

СЛОВА ПОЦѢЛУЙНЫЯ

Онъ по садику гулялъ, въ свои гусли игралъ.
Я люблю! Я люблю!
Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ.
Я люблю! Я люблю!

Журчанье Бѣлыхъ Голубей.

КОРМЩИКЪ.

— Кто ты?—Кормщикъ корабля.
— Гдѣ корабль твой?—Вся Земля.
— Вѣрный руль твой?—Въ сердцѣ, здѣсь.
— Сине Море?—Разумъ весь.
— Весь? Добро и рядомъ Зло?
— Сильно каждое весло.
— Пристань?—Сонъ.—Маякъ? - Мечта.
— Достиженье?—Полнота.
— Полноводье, а затѣмъ?
— Ширь пустынь—услада всѣмъ.
— Сладость, сонъ, а наяву?
— Въ безоглядности—плыву.

ВТАЙ-РѢКА.

Изъ глубокаго колодца, изъ-подъ той крутой горы,
Гдѣ гнѣзда не строитъ птица, гдѣ не строитъ звѣрь норы,
Протекала полноводно, и течетъ, поетъ вѣка,
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Рѣка.

Тамъ на днѣ—лишь бѣлый сахаръ, алый бархатъ, жемчуга,
Изъ глазастыхъ изумрудовъ расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнѣе бережки,
На отлогостяхъ сверкаютъ желто-рляные пески.

Отъ Востока до Заката Втай-Рѣки идетъ длина,
Отъ холодныхъ странъ до жаркихъ растянулась ширина,
Глубину никто не знаетъ, измѣряли мудрецы,
Опускали въ воду тяжесть, потеряли всѣ концы.

А и что-жь намъ вѣдать тайны—тѣхъ, кто хочетъ тайну скрыть
Втай-Рѣка не съ мудрецами, хочетъ съ сердцемъ говорить,
Прикатилась и всслилась въ полнозвучныя сердца,
Изъ глубокаго колодца, безъ начала и конца.

ШАТЪ-РѢКА.

Ужь и что я вамъ, братья, сегодня реку:
Не ходите вы, братья, на Шатъ-Рѣку.
Глубока та Рѣка шатоватая,
Плутовата она, вороватая.
И сшибаетъ она съ ума-разума,
Подойдешь къ ней,—судьба твоя сказана.
Подойдешь, изопьешь, зашатаешься,
По прибрежной глуши нагуляешься.
Опьянитъ она зыбью глубокою,
Завлечетъ шелестящей осокою.
Не ходите вы къ ней, не плѣняйтесь вы ей,
А ужь если пошелъ, такъ себя не жалѣй.
Загляни, потони, значитъ такъ суждено,
Не видать съ береговъ, что скрываетъ тамъ дно.

ТѢНЬ-РѢКА.

Подъ густыми подъ кустами протекаетъ Тѣнь-Рѣка,
Ты побудь надъ ней ночами, въ часъ какъ таютъ облака,
Загляни въ нее очами,—въ чемъ, спроси, твоя тоска.

Оттого ль, что вотъ, взглянувши, ты увидѣлъ свой двойникъ?
Оттого ль, что птица ночи, промелькнувъ, послала крикъ?
Оттого ли плачутъ очи, что, дрожа, шуршитъ тростникъ?

Отодвинься,—отраженье отодвинулось въ водѣ,
Опрокинься,—и стремленье не къ водѣ ушло, къ звѣздѣ,
Разувѣрься,—птица ночи есть вездѣ и все жъ нигдѣ.

Промелькнувъ надъ Тѣнь-Рѣкою черно-бархатнымъ крыломъ,
Въ гости къ Солнцу улетѣла птица тьмы ночнымъ путемъ,
Чтобъ позвать къ намъ птицу-пламя и смѣнить печаль огнемъ.

И казавшійся зловѣщимъ расшуршавшійся тростникъ,
Подъ опаловой росою, какъ подъ лаской поникъ,
Передъ нимъ въ водѣ трепещетъ ожемчуженный двойникъ.

За дневною Тѣнь-Рѣкою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растаютъ облака,
И подъ Солнцемъ, какъ червонцемъ, золотится Тѣнь-Рѣка.

СЛАДИМЪ-РѢКА.

Течетъ она, течетъ она,
Рѣка-Сладимъ течетъ.
Какъ сладость сна, идетъ весна,
Утраченъ веснамъ счетъ.

Разъялся ледъ, нѣжна тоска,
Ключъ Бездны заигралъ.
Помчала всѣхъ Сладимъ-Рѣка,
Бѣлѣетъ влажный валъ.

Онъ хлещетъ всѣхъ, насъ всѣхъ онъ взялъ,
Мы всѣ въ огнѣ скользимъ.
Онъ мечетъ, крутитъ, пьяный валъ,
Течетъ Рѣка-Сладимъ.

СВИРѢЛЬНИКЪ.

Онъ Пророкъ и онъ Провидецъ, онъ Свирѣльникъ и Пѣвецъ,
Онъ испилъ священной крови изъ раскрывшихся сердецъ.

Онъ отвѣдалъ меда мыслей, что какъ вишенье цвѣли,
Что какъ яблоня свѣтились и желаньемъ сердце жгли.

Въ бѣломъ свѣтѣ, въ аломъ цвѣтѣ, въ синемъ, въ желто-золотомъ,
Былъ онъ въ радугахъ вселенскихъ освѣщенъ Огнемъ и Льдомъ.

Заглянулъ онъ въ голубую опрокинутость зеркалъ,
Слышалъ шопоты столѣтій и нашелъ, чего искалъ.

Семиствольную цѣвницу онъ вознесъ, поетъ свирѣль,
Вѣковую онъ гробницу превращаетъ въ колыбель.

Торопитесь, насладитесь полнопѣвною волной,
Нарядитесь, освятитесь Моремъ, Солнцемъ, и Луной.

Въ стройномъ хорѣ дышетъ Море, въ кругѣ—блески всѣхъ свѣтилъ,
Прикоснитесь въ разговорѣ къ собесѣдованью Силъ.

АНГЕЛЪ ВСТРѢЧЪ.

Во зеленыимъ саду, въ сновидѣнной я мечтѣ,
Птица райская поетъ на превышней высотѣ,
Птица райская велитъ быть въ любовной чистотѣ.

Говоритъ она про нашъ неокованный законъ,
Говоритъ она, поетъ, что раскрылся Небосклонъ,
И [illegible]ъ будто бы звонитъ, и узывчивъ этотъ звонъ.

На престолѣ, въ высотѣ, свѣтлый Ангелъ нашихъ встрѣчъ,
Въ золоту трубить трубу, золотой онъ держитъ мечъ,
Возсіяніемъ своимъ онъ ведетъ съ очами рѣчь.

Посылаетъ онъ лучи на зеленые луга,
Онъ велитъ волнамъ морскимъ восходить на берега,
Онъ велитъ волнамъ морскимъ оставлять тамъ жемчуга.

Онъ сіяетъ для очей ярче Утренней Звѣзды,
Онъ даетъ тепло лучей для продольной борозды,
Въ изумруды и въ рубинъ одѣваетъ онъ сады.

Птица райская поетъ, и трубитъ огонь-труба,
Говоритъ, что міръ широкъ и окончена борьба,
Что любиться и любить—то вершинная судьба.

АДАМЪ И ЕВА.

Адамъ, первично-красный,
Ликующая плоть.
Изъ глыбы темно-страстной
Слѣпилъ его Господь.

Узывчивая Ева,
Прозрачная душа.
На первый зовъ напѣва
Пришла къ нему, спѣша.

Пришла къ нему въ невинный,
Сіяющій Эдемъ.
Но этотъ садъ пустынный
Для разума былъ нѣмъ.

И Ева воздохнула,
И поглядѣлъ Адамъ.
И долгій ропотъ гула
Прошелъ по Небесамъ.

Совсѣмъ въ срединѣ Рая
Красивый кустъ расцвѣлъ.
Адамъ сказалъ, не зная,
Что это—женскій полъ.

И раковина Моря
Раскрылась на кустѣ,
Съ зарею цвѣтомъ споря,
И споря въ красотѣ.

И въ страсти обоюдной
Адамъ склонился къ ней.
Обвилъ ихъ изумрудный
Алмазноокій Змѣй.

Такъ пламенно горѣнье
Струилъ на нихъ алмазъ,
Что скрылъ онъ выраженье
Змѣиныхъ этихъ глазъ.

И дерево средь Рая,
Багряное, на снѣдь,
Растетъ—тѣла сжигая,
И жжетъ—чтобы горѣть.

Мѣнять ужь невозможно,
Цвѣти, кто раньше цвѣлъ.
Адамъ сказалъ неложно,
Что это женскій полъ.

РАЙСКОЕ ДЕРЕВО.

Развѣсистое древо
Сіяетъ среди Рая.
Глядитъ Адамъ и Ева,
Глядятъ они вздыхая.

Сказали имъ, что можно
Все трогать, лишь не это,
Погибель непреложна,
Здѣсь слишкомъ много свѣта.

Не трогайте же, дѣтки,
Красы тутъ непростыя,
Серебряныя вѣтки,
И листья золотые.

Ростетъ оно изъ бездны,
Уводитъ въ пропасть злую,
Въ темницы, что желѣзны,
Въ гробницу расписную.

Но самое въ немъ злое,
Что есть въ немъ запрещенье.
О, древо роковое,
Ты сѣешь возмущенье.

Подъ древомъ мягко ложе,
Усыпано цвѣтами.
Прости, великій Боже,
Такъ нѣжно съ васильками.

Съ багрянымъ цвѣтомъ розы
Сердца такъ вольно слиты,
Что всѣ Твои угрозы
Мгновенно позабыты.

И вѣтки—молодыя,
Въ нихъ серебро сквозное,
И листья—золотые,
Какъ солнце золотое.

Погубятъ ли насъ это,
Цѣлуясь, мы не знаемъ,
Но лишь завѣтъ запрета
Мы называемъ Раемъ.

ТО ДРЕВО.

То древо, о которомъ
Теперь ужь рѣчь безплодна,
Свѣтло сіяетъ взорамъ,
И ширится свободно.

Багряно, златовидно
Въ пылающей красѣ,
Любить его не стыдно,
Имъ въ мірѣ живы всѣ.

И будто бы когда-то
Оно запретно было.
Неправда, аромата
Въ немъ животворна сила.

Оно до края Неба,
Оно доходитъ въ Адъ.
Въ дуплѣ есть много хлѣба,
На вѣткахъ сонмъ усладъ.

Края всегда повиты
Душистыми цвѣтами,
Въ нихъ словно сказки скрыты
Съ цвѣтистыми строками.

Въ корняхъ и медъ и млеко,
Двѣнадцать свѣжихъ рѣкъ.
И всѣ для человѣка,
Богатый человѣкъ.

Причудливые звѣри
Въ стволахъ выходятъ, входятъ,
И дѣти въ свѣтлой вѣрѣ
Здѣсь хороводы водятъ.

И птицы столь всезвучно
Поютъ среди вѣтвей,
Что слушать ихъ не скучно
Сто лѣтъ и вдвое дней.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХЪ.

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа—поле, слѣва—лѣсъ,
Много тутъ и тамъ чудесъ.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не одинъ стоитъ, ихъ два.
И ростетъ, поетъ трава.

Тотъ, направо, свѣтлый онъ,
Словно день воспламененъ.
А другой еще свѣтлѣй,
Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ—хорошъ какъ тишь,
Какъ загрезившій камышъ.
У другого же глаза—
Грозовая бирюза

И одинъ—свѣтло поетъ,
Какъ напѣвность тихихъ водъ.
А другой—молчитъ, молчитъ,
И какъ къ битвѣ закричитъ.

И одинъ крыломъ взмахнетъ,
Шестикратностью блеснетъ,
И мгновенно для очей—
Годовыхъ три сотни дней.

И другой крыломъ взмахнетъ,
Шестимолнійно сверкнетъ,
И внезапно для очей—
Триста огненныхъ ночей.

Справа поле, слѣва лѣсъ,
Живо поле, лѣсъ воскресъ.
Свѣтелъ день, и ночь свѣтла,
Богу вѣчному хвала.

БРАТЪ И СЕСТРА.

— Кто ты, милый бѣлый братъ?
Какъ свѣча твой свѣтлый взглядъ.
— Кто ты, блѣдная сестра?
Говорить давно пора.
— Первый ты откройся мнѣ,
Очень страшно при Лунѣ.
— Ты мнѣ первая скажи,
Кто ты, что ты, разскажи.
— Я сестра твоя, сестра,
Вмѣстѣ вышли со двора,
Какъ оставили нашъ домъ,
Что Небесностью зовемъ.

— Я твой братъ, твой бѣлый братъ,
Ангелъ, что ли, говорятъ,
Все хочу я побороть
На Землѣ земную плоть.
— Я сестра твоя, сестра,
Я душа, я звѣздъ игра,
Если плоть мы освятимъ,
Безъ обиды побѣдимъ.

БРАТЪ СЪ СЕСТРОЙ.

— Братъ, надъ лугомъ ты трубишь
Въ свою золотую трубу.
Если меня ты любишь,
Скажи мнѣ мою судьбу.
— Быть тебѣ вѣчно со мною,
И всегда быть бѣлой, сестра.
Тебѣ уготованъ Луною
Путь серебра.
Если въ часахъ—ты минуты
Захочешь, минуты одной,
На горы пойдешь ты круты,
Въ замокъ, гдѣ сонъ ледяной.
Если въ минутѣ—минутнѣй,
Воздушнѣй захочешь быть,
Я буду съ весною и съ лютней,
И тебя научу любить.
Если ты птицъ захочешь,
Голубей тебѣ дамъ, лебедей.
Если нарядъ свой омочишь,
Это брызги небесныхъ дождей.
Если цвѣтовъ захочешь,
Я тебѣ ландышъ найду.
— Братъ, ты нѣжно пророчишь,
А если я къ Солнцу пойду?

— Если ты не боишься жгучихъ
Праздниковъ вешней игры,
Иди, на превысренныхъ кручахъ
Я тебѣ приготовилъ шатры.
— Я бѣлая, такъ, я бѣлѣе,
Чѣмъ лилія тихихъ водъ.
Но ты золотишься, и, рдѣя,
Поешь, твой голосъ зоветъ.
— Я зову на высокія выси,
Я зову до исподнихъ глубинъ.
Я огонь въ вѣковомъ кипарисѣ,
Я въ пещерахъ полночныхъ рубинъ.
— Зачѣмъ же тебѣ золотое,
Скажи, а бѣлое—мнѣ?
— Чтобъ быть намъ счастливѣе вдвое,
Чтобы Солнце сіяло—Лунѣ.

БОЖЬЯ КНИГА.

Божью книгу я читалъ,
Божья книга—здѣсь, въ саду.
Выпилъ полный я бокалъ.
Къ каждой буквѣ приникалъ.
Пьяность въ разумѣ. Я жду.

Божья книга хороша
Тѣмъ, что каждая душа
Видитъ въ ней себя одну,
Видитъ также цѣлый міръ,
Видитъ собственный свой пиръ,
И вселенскую весну.

Божья книга хороша
Тѣмъ, что каждая душа
Можетъ всю ее прочесть,

Черезъ мигъ придетъ, спѣша,
Глядь, еще въ ней строки есть,
И цвѣтутъ они, ростутъ,
Здѣсь, и тамъ, и тамъ, и тутъ.

Божья книга, вотъ опять
Я пришелъ тебя читать.

ГОЛУБИЦА.

Во саду, саду зеленомъ,
Подъ широкимъ небосклономъ,
Отъ Земли и до Небесъ,
Вознесилось чудо-древо,
Съ блескомъ яблоковъ-чудесъ.

Прилетѣвъ на это древо,
Съ воркованіемъ напѣва,
Въ изумрудностяхъ вѣтвей,
Молодая Голубица
Выводила тамъ дѣтей.

Молодица, Голубица,
Эта ласковая птица
Ворковала къ молодымъ,
Говорила имъ загадки
Тамъ подъ Древомъ вѣковымъ.

Говорила имъ загадки:
„Ужъ вы дѣтки-голубятки,
Клюйте вы пшеничку здѣсь,
А въ пыли вы не пылитесь,
Міръ далекій пыленъ весь“.

„А въ пыли вы не пылитесь.
А въ росѣ вы не роситесь".
Ворковала имъ она.
Только дѣтки не стерпѣли,
Заманила ширина.

Голубятки не стерпѣли.
Въ міръ широкій полетѣли,
Запылилися въ пыли,
Заросилися росою,
Удержаться не могли.

Заросилися росою,
Застыдилися виною,
Голубица же нѣжна.
Тамъ подъ яблонью живою
Оправдала ихъ она.

КАКЪ СОНЪ.

Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Оставлялъ свой цвѣтикъ алъ,
Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Я какъ лучъ тебя ласкалъ,
И въ живомъ играньи силъ
Изъ потопа выводилъ.

Изъ потопа, изъ волны,
Изъ прибрежныхъ вязкихъ травъ,
Изъ мятущейся волны,
Изъ осоки и купавъ,
Изъ великой глубины
Къ свѣту Солнца и Луны.

Становилъ тебя, сестра,
Во зеленыимъ саду,
Говорилъ тебѣ, сестра,
Что вездѣ съ тобой пойду.
Говорилъ тебѣ: „Пора!
Есть священная игра“.

И Луною золотой
Осіянъ въ живомъ саду,
Подъ Луною золотой
Я съ душою рѣчь веду.
Я съ своею молодой,
Мы подъ яблонью святой.

И зеленый садъ шумѣлъ,
Какъ тебя я цѣловалъ,
И зеленый садъ шумѣлъ,
И раскрылся цвѣтикъ алъ,
И кружился голубь бѣлъ,
Въ часъ какъ Міръ намъ пѣсню пѣлъ.

ПТИЦА РАЙСКАЯ.

Мы ходили, мы гуляли въ изумрудномъ во саду,
Во саду твоемъ зеленомъ мы томилися въ бреду.

Мы глядѣли, какъ, зардѣвшись, расцвѣтаетъ нѣжный садъ,
Мы хотѣли, чтобъ скорѣе былъ намъ спѣлый виноградъ.

Мы молили, искушали, вопрошали мы Судьбу,
Мы съ дрожаніемъ трубили въ живогласную трубу.

Мы звонили, и звенѣли въ Небесахъ колокола,
И была надъ нами въ вѣткахъ Птица райская свѣтла.

И потомъ мы утѣшались за дубовымъ за столомъ,
Пили, ѣли, прохлаждались, не заботясь ни о чемъ.

И потомъ мы пожелали, чтобы умъ совсѣмъ исчезъ,
Мы манили и сманили Птицу райскую съ Небесъ.

И потомъ мы перестали говорить: „А что потомъ?“
Гусли звонко въ насъ рыдали, поцѣлуйный былъ нашъ домъ.

ГОЛУБЬ.

Голубь къ терему припалъ,
Кто тамъ, что тамъ, подсмотрѣлъ.
Голубь тѣломъ нѣжно-бѣлъ,
На оконцѣ жь цвѣтикъ алъ.
Бѣлый голубь ворковалъ,
Онъ цвѣточкомъ завладѣлъ,
Онъ его зачаровалъ,
Насладился, улетѣлъ.
Ахъ ты бѣлый голубокъ,
Позабылъ ты алъ цвѣтокъ.
Ахъ ты бѣлый голубокъ,
Воротись хоть на часокъ.

УЛЕТИ.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
Изъ темницы застарѣлой,
Унесись на подвигъ смѣлый,—
Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засіяетъ лугъ и нива,—
Захоти.

Плѣннымъ—крючья, плѣннымъ—пилья,
Но мечтой умножь усилья,
Вотъ ростутъ, бѣлѣютъ крылья,—
Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился,—
Отмети.

Будь же съ нами, съ голубями,
Въ голубомъ воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

ВОРКУНОКЪ.

Ужь очень, голубокъ,
Ты хитрый воркунокъ!
Затянешь, зажурчишь,
Разрушишь въ сердцѣ тишь,
Разломишь въ немъ ледокъ,
И манишь, и пьянишь,
О чемъ-то говоришь,
О чемъ и невдомекъ,
Заставишь воздыхать,
И стыднаго желать,
Заноетъ сердце,—глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

СВАДЬБА ДУШЪ.

Кто сказалъ, что будто Небо далеко отъ насъ?
Солнце—въ мысляхъ, Мѣсяцъ сердцу свѣтитъ каждый часъ.

Чуть помыслимъ,—это утро, это свѣтъ дневной,
Чуть полюбимъ,—это дымка съ ясною Луной.

И Луна, побывъ, какъ Мѣсяцъ, въ нѣжномъ серебрѣ,
Станетъ Солнцемъ, чтобъ тонули помыслы въ зарѣ.

И небесный серпъ, собравши жатву всѣхъ сердецъ,
Золотитъ колосья мыслей, ихъ сплетя въ вѣнецъ.

Серебро въ пресуществленьи золотомъ горитъ,
Въ мысляхъ жемчугъ, въ мысляхъ звѣздность, камень-маргаритъ.

Переливные опалы въ озерной водѣ,
Свадьба Мѣсяца и Солнца, зовъ звѣзды къ звѣздѣ.

Не поймешь, когда полюбишь, двойственныхъ рѣчей,
Только будь какъ пламень Солнца, лучъ среди лучей.

Не найдешь раздѣльность Неба и Земли родной,
Если разумъ обвѣнчаешь съ царственной Луной.

ПРИХОДИ.

Вкругъ сада—изъ рыбьихъ костей я построилъ заборъ.
На нихъ положилъ изумрудно-сребристый коверъ,
Который я сплелъ изъ змѣиныхъ и рыбьихъ чешуй.
Приходи, и яви мнѣ свой взоръ.
Приходи, поцѣлуй.

Снѣжащійся свѣтъ днемъ исходитъ отъ рыбьихъ костей,
А въ ночь загорается въ нихъ словно нѣжный свѣтлякъ.
Сказать, почему? Вѣдь онѣ же изъ бездны морей.
А Солнце въ моряхъ засыпаетъ на время ночей,
И въ нихъ спитъ Луна, передъ тѣмъ какъ пробудится мракъ.

Въ коврѣ серебро, и въ коврѣ золотой изумрудъ,
Сіяній такихъ ни слова, ни вѣка не сотрутъ,
И зыбь—безъ конца въ тишинѣ многолиственныхъ струй.
Приходи, о, скорѣй, я ужъ тутъ,
Приходи, поцѣлуй.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болитъ, а уму не говоритъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.
Отчего на Небесахъ звѣзды ясныя въ вѣнцахъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего къ цвѣтку цвѣтокъ посылаетъ лепестокъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего жь ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

ДЛЯ СЕСТРЫ.

Для сестры моей, любови, есть лазоревы цвѣты,
Есть лазоревы цвѣточки самой свѣжей красоты.

Самой свѣжей, самой нѣжной, изъ-подъ первой той росы,
Для сестры моей, любови, и другія есть красы.

На холмѣ, холмѣ зеленомъ есть высокій теремокъ,
Подъ окошечемъ воркованье, стонетъ бѣлый голубокъ.

Голубь нѣжный, бѣлоснѣжный, онъ проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещетъ—онъ со стаею живой.

Проворкуетъ, насъ, молъ, много, это правда, а не ложь,
За однимъ другой и третій, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькаютъ, затрепещутъ, крылья блещутъ и горятъ,
Для сестры моей, любови, въ Небѣ выпросятъ нарядъ.

Въ самомъ Небѣ, въ синемъ Небѣ, у высокихъ облаковъ,
Ужь помолятъ, ужь попросятъ бирюзы и жемчуговъ.

Ужь помолятъ, ужь попросятъ изумрудовъ, жемчуговъ,
И атласа отливного, и тончайшихъ шелковъ.

Небеса ли имъ откажутъ, въ Небѣ много тамъ всего,
Для сестры моей, любови, и для счастья моего.

ПО БЛАГОДАТИ.

Мы не по закону,
Мы по благодати.
Озаривъ икону,
Ляжемъ на кровати.

Мы не знаемъ брака
Выше, чѣмъ желанье.
Мы въ глубинахъ мрака
Яркое сіянье.

Внѣ сцѣпленій слова
Льются наши рѣчи.
Можетъ, будемъ снова
Въ столь же вольной встрѣчѣ.

Можетъ, безповторенъ
Праздникъ нашей страсти.
Пусть. Чертогъ узоренъ
Двухъ свободныхъ счастій.

ШУТКА ЦВѢТОВЪ.

Я вошла въ зеленый садъ,
Повидалася съ цвѣтами,
Разноцвѣтные горятъ,
Цвѣтомъ съ сердцемъ говорятъ:
„Ты люби зеленый садъ,
Ты побудь подольше съ нами“.

Я не слушалась цвѣтовъ,
А они, въ пахучей силѣ,

А они,—нихъ нравъ таковъ,—
Трепетаньемъ огоньковъ,
Возсіяньемъ лепестковъ,
Надо мною почудили.

Въ теремъ свой отъ нихъ ушла,
И съ фіалкой голубою
Я заснула, я спала,
Я во снѣ была свѣтла,
Я чего-то все ждала,
И проснулася—съ тобою.

ОДЕЖДЫ РАЗНЫ.

На тѣлѣ нашемъ, на нашемъ тѣлѣ
Одежды разны—одна черна,
Потомъ сѣрѣе, потомъ зардѣли—
Краснѣй, блѣднѣе, какъ снѣгъ блѣдна.

Не будемъ медлить въ одеждѣ черной,
И сбросимъ сѣрый слѣпой покровъ,
И съ красной лентой, съ одной узорной,
Мы явимъ свѣжесть и свѣтъ снѣговъ.

И будемъ въ вихряхъ, и будемъ въ свѣтахъ,
И будемъ ночью свѣтлѣй, чѣмъ днемъ,
Въ тѣлахъ воспѣтыхъ и въ снѣгъ одѣтыхъ
Живое счастье горитъ огнемъ.

БОЖІЙ ХРАМЪ.

Наше тѣло—Божій храмъ,
Въ храмѣ дай горѣть свѣчамъ.
Любишь Бога, такъ смотри,
Храмъ достойно убери.

Чтобы ладанъ нѣжный въ немъ
Былъ съ молитвеннымъ огнемъ,
Чтобы тихій звонъ кадилъ
Прямо въ сердце заходилъ.

Чтобы къ храму льнулъ другой,
Тоже Божій—и такой,
Какъ бываетъ вешній садъ,
Въ часъ какъ всѣ цвѣты горятъ.

ЧЕРНОМУ ВРАНУ.

Если спроситъ Черный Вранъ:—
„Ты откуда, Бѣлый Духъ?
Отчего въ тебѣ все бѣло?“—
Ты предъ нимъ промысли вслухъ:—
„Ужъ такой законъ мнѣ данъ,
Черный Вранъ, Черный Вранъ,
Бѣлый я тѣлесный духъ,
И духовное я тѣло,
Такъ Радѣнье захотѣло,
Ибо мы—изъ Бѣлыхъ странъ.
Ты же, Вранъ,
Черный Вранъ,
Каркай! Прочь!
Въ мракъ и въ ночь!
Прочь отъ сихъ Восточныхъ странъ!“

ЗАВѢТЪ.

Если хочешь рай блюсти,
Чисто комнату мети,
Чтобы полъ и потолокъ
Былъ пресвѣтлый теремокъ.

Чтобы не было темно,
Полюби свое окно,
Чтобъ была игра стекла
Незапятнанно-свѣтла.

Если хочешь нѣжить рай,
За цвѣтами надзирай,
Чтобы твой цвѣтущій садъ
Былъ какъ огненный закатъ.

ВЪ БОГѢ.

Какъ быть въ Богѣ?—Свѣтъ найти,
Не въ дорогѣ, а въ пути.
А дорога-путь одна:—
Пить любовь, и пить до дна.

Выйди къ травамъ, посмотри!—
Отъ зари и до зари
Пчелы вьются межъ цвѣтовъ,
Къ ночи свѣтлый медъ готовъ.

Выйди ночью, и взгляни:—
Птичій Путь. Горятъ огни.
Бѣлый свѣтъ. Люби, цвѣти.
Будь звѣздою во плоти.

ВѢНЧАНІЕ.

Изъ древняго Молчанія
Доходятъ голоса,
Зовутъ насъ на вѣнчаніе,
Идемъ, моя краса.

Для свѣтлаго веселія
Рождаемся мы въ міръ.
Таинственныя зелія
Вмѣшались въ этотъ пиръ.
Колдующія зелія
Сумѣемъ побѣдить.
Въ глухія подземелія
Ведетъ цвѣтная нить.
Слѣпыми переходами,
Тропинкой винтовой,
Умолкнувшими водами,
Къ обители живой.
Къ тому ли средоточію,
Что въ самой глубинѣ,
Гдѣ узримъ мы воочію
Крещеніе въ Огнѣ.
За этимъ—посвященіе,
Причастіе глубинъ,
Сожженье—очищенія,
Одна ты, я одинъ.
Мы въ таинствѣ вѣнчанія,
Мы стали два въ одномъ.
Насъ древнее Молчаніе
Окутало кругомъ.

ЗВѢЗДНОЕ ПРИЧАСТІЕ.

Если, послѣ поцѣлуя,
Темной ночью выхожу я,
На тесовое крыльцо,
Освѣжить свое лицо,
Звѣзды искрятся, ликуя,
По небесной вышинѣ,
Словно въ жаждѣ поцѣлуя
Расцвѣчаются онѣ.

И въ молитвенной истомѣ,
Въ пробужденности и въ дремѣ,
Въ сердцѣ чувствуя зарю,
Слитно съ Небомъ я горю,
Словно въ свѣтломъ водоемѣ
Брызги—здѣсь, и брызги—тамъ,
Мы въ молитвенной истомѣ
Сопричислены къ звѣздамъ.

ЗОЛОТЫЯ ЗЕРНА.

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
Какъ много вамъ различнаго пшеничнаго зерна.
Намъ зерна эти свѣтлыя, о, духи свѣтловзорные,
Вечерняя, разсвѣтная послала вышина.

Отъ той звѣзды, что первая въ вечерней свѣтитъ горницѣ,
Отъ той звѣзды, что первая сіметъ поутру,
Ниспосланъ этотъ колосъ намъ, и зерна въ немъ повторныя,
Берите это золото, я самъ его беру.

Вы, облачные голуби, покорливыя горлицы,
Снѣжите взоры крыльями, бѣлѣйтесь въ золотомъ.
Вамъ зерна золотистыя, вамъ облаки узорныя,
Вамъ солнечный, вамъ мѣсячный, небесный Божій Домъ.

СВѢЧА.

Если ты зажегъ свѣчу,
Ты не прячь ее подъ столъ.
Если ты сказалъ—хочу,
Ты люби хотящій полъ.

Если ты пасешь овецъ,
Ты сплети себѣ руно.
Ты почувствуй наконецъ,
Для чего намъ все дано.

И красивый—женскій полъ,
И могучій—полъ мужской.
Если правду ты нашелъ,
Не ищи себѣ другой.

СВѢТЪ ЧУДЕСНЫЙ.

Свѣтъ чудесный, свѣтъ прелестный свѣтитъ намъ съ Небесъ,
Онъ въ другомъ краю засвѣтитъ, разъ въ одномъ исчезъ.

Онъ въ однихъ очахъ кончаетъ, а въ очахъ другихъ
Чуть замѣтно начинаетъ, какъ запѣтый стихъ.

И одни темнѣютъ очи, чтобъ въ ночи уснуть,
Чтобъ другимъ, въ угрозу Ночи, вмѣсто нихъ блеснуть.

А заснувшія сіяютъ—гдѣ шатеръ Небесъ,
Чтобъ не думали, что будто ночью свѣтъ исчезъ.

ЧУДО.

Со мной случилось чудо,
Я—здѣсь, и я—не здѣсь.
Я вдругъ ушелъ отсюда,
И міръ увидѣлъ весь.

Ужь какъ-то такъ случилось,
Что я вошелъ въ себя.
Безшумно дверь раскрылась,
Я сплю, весь міръ любя.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрытъ,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря.
А Море мнѣ шумитъ.

И будто бы не сплю я,
И будто бы я сплю.
Я въ счастьи поцѣлуя
Стозвонный міръ люблю.

Какъ въ раковинѣ Моря
Напѣвъ и жемчугъ скрытъ,
Молчу, ни съ чѣмъ не споря,
А Море мнѣ шумитъ.

БЕЗЪ КОНЦА.

—Что ты дѣлалъ, гдѣ ты былъ
За туманами могилъ?
—Нѣтъ могилъ. Могила—дверь.
Былъ я птица, былъ я звѣрь.
—Былъ ты птицею какой?
Добрый былъ ты или злой?
—Былъ я волкъ, и заяцъ бѣлъ,
Въ Небѣ жаворонкомъ пѣлъ.
—А потомъ? А что потомъ?
Гдѣ ты шелъ? Какимъ путемъ?
—Въ разномъ былъ, всего вкусилъ.
Черезъ двери проходилъ.
—А потомъ? А что потомъ?
Мы съ тобой куда идемъ?
—Безъ конца по Бытію.
Видишь: пѣсни я пою.

СТИХЪ КОРАБЕЛЬНЫЙ.

Мы въ двухъ горницахъ сосѣднихъ, и въ единомъ терему.
На таинственныхъ обѣдняхъ, посвящаемыхъ Уму.

Умъ—алмазный устроитель возносящихся дворцовъ,
Нашъ божественный хранитель, дарователь всѣхъ вѣнцовъ.

Мы въ двухъ горницахъ раздѣльныхъ, мы за тонкою стѣной,
Въ часъ радѣній корабельныхъ будемъ въ горницѣ одной.

Помолчалъ я, постучалъ я, и распалася стѣна,
Красоту души встрѣчалъ я, красота души одна.

Хоть и много есть у Бога расцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Но одна ведетъ дорога къ предъизбранницѣ вѣковъ.

Походили мы по дальнымъ, по лазоревымъ звѣздамъ,
Ужь скитаніямъ печальнымъ больше сердце не отдамъ.

Хоть лазоревы и чудны звѣзды выси голубой,
Хоть златисты, изумрудны, тяжко быть мнѣ врозь съ тобой.

Ты пришла съ Звѣзды Лазурной, я пришелъ съ Звѣзды Рубинъ,
Оба были въ сказкѣ бурной, двумъ Земля—пріютъ одинъ.

И теперь въ великомъ чудѣ мы въ радѣньи Корабля,
Свѣтятъ очи, дышутъ груди, въ Небѣ царствуетъ Земля.

ПОСЛАНІЕ КЪ ГОЛУБИЦѢ.

Ужь ты птица голубица
Нѣжна горлица моя!
Ты предивная страница
Въ благовѣстьи бытія!

Ты пресвѣтлая картина
Между всѣхъ живыхъ картинъ!
Ты сліянье воедино
Всѣхъ созвѣздій и вершинъ!
Ты открывшая мнѣ дверцу
Въ нашъ волшебный теремокъ!
Ты явившаяся сердцу
Какъ божественный намекъ!
Ты явившаяся взору
Какъ живой родникъ въ пути!
Ты возведшая на гору,
Намъ съ которой не сойти!
Ты проведшая чрезъ рѣки,
На высокое крыльцо!
Подарившая навѣки
Звѣздотканное кольцо!
Къ голубицѣ—голубочекъ,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочекъ,
Не сумѣлъ тебя воспѣть!

ГОРЛИЦЫ-ГОЛУБИ.

Горлицы бѣлыя, воркуйте поутру,
Горлицы бѣлыя, воркуйте ввечеру,
Голуби бѣлые, спѣшите имъ помочь,
Голуби бѣлые, воркуйте цѣлу ночь.

Пить вамъ захочется, всѣмъ будетъ вамъ питье,
Ѣсть вамъ захочется, вотъ яствице мое,
Свѣтло-духовное пшеничное зерно,
Бѣлому бѣлое для радости дано.

КАЖДЫЙ.

Каждый, ежели дойдетъ
До сіяющихъ высотъ,
Намъ приноситъ въ бытіе
Благовѣстіе свое.

Каждый вступитъ въ звѣздный счетъ,
Въ комъ молитвенность течетъ,
По духовной онъ Рѣкѣ
Устремится въ челнокѣ.

Каждый цвѣтъ весной цвѣтетъ,
Въ каждой сотѣ свѣтлый медъ,
Такъ не старостямъ Зимы
Поучаться будемъ мы.

СЛОВО БОЖІЕ.

Слово Божіе—въ пчелѣ,
Въ таломъ снѣгѣ, и въ землѣ,
Указующей—цвѣткомъ,
Для чего сквозь тьму идемъ.

Слово Божіе—въ волнѣ,
Въ прибывающей Лунѣ,
Въ воркованьи голубей,
И въ очахъ любви моей.

АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ.

Ангелы Небесные
Писанье ли читаютъ?
Ангелы Небесные
Не въ Небѣ ли летаютъ?

Птицы поднебесныя
Не звонко ли поютъ?
Помыслы чудесные
Не въ цвѣтикахъ ли ждутъ?

КЛЮЧИ.

Солнце встало, съ нимъ—лучи,
Держитъ Богъ въ рукахъ ключи,
Богъ ключи роняетъ внизъ,
Только Солнцу помолись.

Не по книгамъ доходить,
Чтобъ цвѣтную вытькать нить,
Ты на радугу смотри,
На жемчужности зари.

Ты смотри въ глаза того,
Сердце чувствуетъ кого,
Ты смотри и ты колдуй,
И цѣлуешь, такъ цѣлуй.

КУДА ЖЕ?

—Куда же ты сердце свое простираешь?
—Я его простираю къ Раю.
—Но развѣ объ Адѣ ничего ты не знаешь?
—Нѣтъ, не знаю.
—Есть Адъ престрашный, есть Адъ прегрозный,
Жгучій, морозный.
Тамъ цѣпкіе крючья, и тѣ, что здѣсь лѣпы,
Попадаютъ въ вертепы.
А въ этихъ вертепахъ у бѣсовъ свирѣпыхъ
Есть когти преостры.

Смиритесь же, братья, побойтесь проклятья,
Побойтесь вы, сестры.
И ты устрашися, безумный свирѣльникъ,
Я пропасть твою не измѣрю,
Ты знаешь, вѣдь будешь въ огнѣ ты, бездѣльникъ.
—Не вѣрю.
Зачѣмъ быть въ Аду мнѣ, когда я пылаю
Пресвѣтлой свѣчою?
Я сердце и здѣсь на огнѣ оживляю,
И радуюсь вною.
И свѣтомъ рожденное жгучее Слово
Ведетъ насъ въ восторгъ торжества золотого,
Къ нетлѣнному Раю.
Я знаю.

ЧУЖИМЪ.

Насъ чужіе спросятъ: „Кто же вы такіе?
Что у васъ на сердцѣ? Что во власти есть?"
Мы, пожалуй, скажемъ, гости дорогіе,
Только вы сумѣйте раньше звѣзды счесть.

Есть у насъ чертоги, гдѣ, хоть насъ и много,
Свѣтимъ мы жемчужно въ дружной красотѣ.
Есть у васъ дороги, есть у насъ дорога,
Лишь одна дорога, лишь къ одной чертѣ.

Но подробно молвить вамъ мы не сумѣемъ,
Что порою восемь меньше, чѣмъ одно.
Тотъ, кто побылъ въ кругѣ, что вскипаетъ Змѣемъ,
Сразу—ожерелье, и одно звено.

Есть у насъ деревья съ вѣчными плодами,
Кони боевые, трубы, и кресты.
Но кресты подвижны, въ свѣтлой пляскѣ съ нами,
Кони ржутъ пѣвуче, въ трубахъ звукъ мечты.

Золотыя ризы, бѣлыя видѣнья,
Розовыя сказки. знаніе впередъ,
И забвенье знанья, утро наслажденья,
Первый день—и много... Потерялся счетъ.

ПРОСТЫЕ.

Мы пожалуй и простые,
Если истина проста,
Если волны золотыя
Есть простая красота.

Мы пожалуй неучены,
Да на что-жь ученость намъ,
Если сердце слышитъ звоны,
Что проходятъ по цвѣтамъ.

АКСАМИТЪ.

Кто не цѣнитъ аксамитъ,
Тотъ безумно говоритъ.
Кто на тѣло возстаетъ.
Въ темной кузницѣ куетъ.

Тьму куетъ онъ безъ огня,
Лишь стуча, а не звеня.
Паутину, и арканъ,
Удушающій туманъ.

Разъ не любишь Красоты,
Какъ крылатымъ будешь ты?
Тѣло—братъ, душа—сестра,
Въ обрученье ихъ игра.

ОТЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТОРОНЪ.

Ото всѣхъ четырехъ сторонъ,
Изо всѣхъ четырехъ мы странъ,
Но одинъ намъ для всѣхъ законъ
Нашимъ собственнымъ сердцемъ данъ.

Эй, туманъ, разступись!
Здѣсь Востокъ! Все зажгись!

Эй, сіяй, пышный лугъ!
Здѣсь цѣлующій Югъ!

Эй, цвѣтокъ, ткни нарядъ!
Здѣсь багряный Закатъ!

Эй, нашъ духъ, бѣлъ будь весь!—
Сѣверъ здѣсь! Сѣверъ здѣсь!

Такъ вотъ и будемъ мы въ чудѣ расцвѣта,
Съ снѣгомъ январскимъ вѣнчаемъ мы лѣто,
Духъ обручаемъ мы съ тѣломъ живымъ.
Гдѣ онъ? За нимъ! Мы летимъ! Мы летимъ!

ГОЛУБКА СЪ ГОЛУБКОМЪ.

—Отчего, сестра, молчишь,
Ничего не говоришь?
—Мнѣ, мой братикъ, очень вновѣ
Свѣтъ цвѣтовъ, хожденье въ словѣ.
То раскроюсь, то сожмусь,
Братьевъ, братика боюсь.
—Ты не вѣрь себѣ, сестрица,
Будь какъ въ Небѣ голубица.

Со цвѣтами будь цвѣтокъ,
Говорилъ для насъ Пророкъ.
И Пророчица намъ пѣла,
Говоритъ—любитесь смѣло.
—Милый братикъ, я люблю,
Довѣряю Кораблю.
Да сама душа пророчитъ,
Вдругъ уйти отъ братьевъ хочетъ.
Не на вовсе, на часокъ.—
Засмѣялся голубокъ.
Встрепенулись, поглядѣли,
Улетѣли, въ самомъ дѣлѣ,
Улетѣли въ темноту,
Засвѣтили тамъ мечту.
Сестры, братья замѣчали,
Ничего имъ не сказали.
Коли хочется, такъ что-жь,
Уходи, опять придешь.

ГОЛУБИНЫЯ ПОВАДКИ.

За голубками слѣди да примѣчай.
Ты подумаешь, что все въ нихъ невзначай,
Вправду жь, есть всему въ нихъ счетъ, хоть не разсчетъ,
Все имъ вѣдомо, что съ часомъ притечетъ.

Коль голубка проворкуетъ девять разъ,
Это значитъ, что тепло идетъ на насъ,
Если жь болѣе, чѣмъ девять, пропоетъ,
Это значитъ, будетъ теплымъ цѣлый годъ.

А когда она воркуетъ безъ конца,
Это значитъ, что готовы два вѣнца,
Золотые, не простые, лишь для двухъ,
У которыхъ въ двухъ тѣлахъ единый духъ.

СВѢТЛЫЙ ЛѢСЪ.

Есть и свѣтлые лѣса,
Въ нихъ пойдемъ, моя краса,
Въ нихъ мы будемъ по веснѣ
Проходить какъ бы во снѣ.

И прижмемся при Лунѣ,
Я къ тебѣ, а ты ко мнѣ.

Мы увидимъ тамъ съ тобой
Колокольчикъ голубой,
Колокольцевъ этихъ звонъ
Словно сонъ со всѣхъ сторонъ.

Лѣсъ нашъ—свѣтлый, это—онъ,
Если звонъ со всѣхъ сторонъ.

Колокольчики поютъ,
Вотъ давай присядемъ тутъ,
Въ звонахъ столько серебра,
Какъ любви во мнѣ, сестра.

Говоръ въ звонѣ серебра:—
Ужъ весна пришла. Пора.

СВАДЬБА.

Я вѣнчалася съ дружкомъ
Подъ кусточкомъ подъ кустомъ,
Платье свадебно Луна
Убѣлила съ высоты,
Наша церковь—тишина,
Гости свадебны—цвѣты.

Подъ кусточкомъ подъ кустомъ
Тамъ и свадебный былъ домъ,
Были пѣвчіе у насъ:
Между ладанныхъ вѣтвей,
Всю-то ночку пѣлъ—какъ разъ
Надо мною—соловей.

Обручала насъ весна,
Обвѣнчала тишина,
И на яблонѣ лѣсной
Осыпались лепестки.
Хорошо ль тебѣ со мной?
Вѣчно ль будемъ мы дружки?

ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Шловучими туманами
Одѣтъ подъ утро лѣсъ.
За бѣлыми полянами
Ужъ ликъ Луны исчезъ.
И бѣлыми полянами
Проходимъ мы съ тобой.
Зоветъ гостями званными
Насъ цвѣтикъ голубой.

Велитъ намъ быть веселыми,
Еще придти съ тобой.
Свѣтло звонитъ надъ долами
Заутреней цвѣтной.
Надъ синими надъ долами
Звонитъ онъ Кораблю.
Равняетъ мысли съ пчелами,
„Люблю“ поетъ, „Люблю“.

КОШНИЦА.

Я дождусь заповѣднаго времечка,
Разбирать буду каждое сѣмечко.
Разберу сѣмена, разгляжу, положу,
Что увижу, и въ чемъ, никому не скажу.
А когда разложу сѣмена по рядамъ,
Буду въ гости я ждать Свѣтлоокую къ намъ.
О нарядныхъ цвѣтахъ затоскуетъ Весна,
Тутъ я ей послужу, посажу сѣмена
Тутъ я ей покажу: какъ вверху глубина,
У меня звѣздъ земныхъ вся кошница полна.

САДЪ МОЙ САДЪ.

Садъ мой садъ, таинственный,
Свѣтъ живой воды,
Между звѣздъ единственный,
Рдяные плоды
Кто-то Свѣтлый ходитъ въ немъ,
Нѣжитъ лепестки,
Кто-то Стройный бродитъ въ немъ,
Сномъ поитъ цвѣтки.
Зыбкою дремотою
Радуетъ траву,
Тонкой позолотою
Пѣстритъ онъ листву.
Божьими онъ дочками
Синь-цвѣтки зоветъ,
Съ бѣлыми цвѣточками
Водитъ хороводъ.
Нѣжное, чудесное
Вводитъ онъ въ мечты,
Въ Царствіе Небесное
Всѣ глядятъ цвѣты.

НЕЗАБУДОЧКА.

Незабудочка цвѣточекъ
Очень ласково цвѣтетъ,
Для тебя мой другъ-дружочекъ,
Надъ водицею ростетъ.

Надъ водицей, надъ криницей,
Надъ водою ключевой,
На зарѣ съ звѣздой-звѣздицей
Говоритъ—ты будто мой.

Незабудочка цвѣточекъ
Нѣжно-синенькій глазокъ,
Все зоветъ тебя, дружочекъ,
Слышишь тонкій голосокъ?

ВѢТЕРЪ БУЕНЪ.

Вѣтеръ буенъ пролеталъ,
По листочкамъ трепеталъ.
Я же, весела,
Въ глубь по саду шла.

Вѣтеръ буенъ въ цвѣтикъ алъ
Закрутился, въ немъ запалъ.
Колдовалъ цвѣтокъ,
Мнѣ и невдомекъ.

Въ сердцѣ дума весела,
И безъ думы я была.
Подошла къ цвѣтку,
Къ нѣжну лепестку.

Пріоткрылся цвѣтикъ алъ,
Прямо въ сердце мнѣ дышалъ.
Милъ мнѣ алъ цвѣтокъ,
Милый уголекъ.

Наклонилась я къ нему,
Пошатнулась, не пойму.
Словно вѣтерокъ
Закружилъ листокъ.

Прикоснулась я къ цвѣтку,
Чую сладкую тоску.
Нравится мнѣ цвѣтъ.
Рвать его иль нѣтъ?

Буенъ вѣтеръ возставалъ,
Многоструенъ овѣвалъ.
Больше нѣту силъ,
Съ ногъ меня свалилъ.

Закружилась голова,
Я лежу, едва жива.
Вѣтеръ—врагъ? Иль нѣтъ,
Вѣрно, алый цвѣтъ?

ЦВѢТОЧКИ.

Я по рощицѣ ходила
Въ ней бродила поутру,
Про себя я размышляла,
Что цвѣточковъ наберу,

Что цвѣточковъ я немало
Заманю въ свою игру,
А ужъ силушка-то сила
Въ сердцѣ выхода просила.

Я лазоревыхъ цвѣточковъ
Межъ листочковъ набрала,
Я сама не замѣчала,
Какъ далеко я ушла,
Я златой цвѣтокъ срывала,
И душа была свѣтла,
Вдругъ увидѣла кусточекъ,
Подъ кусточкомъ мой дружочекъ.

Ужь такой ли алъ цвѣточекъ
Мой дружочекъ мнѣ сорвалъ,
Я дрожала и не знала,
Какъ мнѣ скрыть тотъ цвѣтикъ алъ,
Такъ ужь стыдно, небывало
Тотъ цвѣточекъ расцвѣталъ,
Не могу теперь дружочка
Отпустить изъ-подъ кусточка.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

Какъ мнѣ страшно было, сестры,
Я изъ сада въ лѣсъ ушла.
Мотыльки тамъ были пестры,
И калина тамъ цвѣла.

И ужь долго ль тамъ была я,
И гналась за мотылькомъ,
Я не знаю,—только, злая,
Вѣдьма стала надъ путемъ.

Снизу ль вышла, сверху ль встала,
Или съ боку подошла,—
Очи злыя, свѣтятъ ало,
А во рту—и ночь, и мгла.

Я гляжу, она все ближе,
И кривится, и ростетъ.
Кости гложетъ, кости нижетъ,
Ожерелье мнѣ плететъ.

Ротъ раскроетъ и закроетъ,
Справа вечеръ подступилъ,
Ротъ раскроетъ, филинъ воетъ,
И полночный часъ пробилъ.

Отъ веселья иль отъ злости
Все свѣтлѣй глаза у ней,
Все страшнѣй бѣлѣютъ кости,
Я—бѣжать, она—„Не смѣй".

Погрозилась, я застыла,
Я стою, и сплю—не сплю.
Цѣлый лѣсъ—моя могила,
Какъ вернусь я къ Кораблю?

Только вдругъ вдали запѣли
По деревнѣ пѣтухи.
Гдѣ я? Что я, въ самомъ дѣлѣ?
Ахъ, напасти! Ахъ, грѣхи!

Чья-то дивная избушка,
Я предъ дверкою стою,
И предобрая старушка
Нѣжитъ голову мою.

Говоритъ: „Вотъ такъ-то всѣ мы
Черезъ это всѣ прошли,—
Да предъ этимъ звѣзды нѣмы,
А теперь поютъ вдали".

И воистину, сестрицы,
Звѣзды пѣли надо мной,
И лазоревы зарницы
Вились лентою цвѣтной.

А изъ лѣсу-то пошла я,
Мнѣ дала старушка бусъ,
И совсѣмъ она не злая,
Ничего я не боюсь.

А какъ вышла я къ долинѣ,
Вижу чудо—межь вѣтвей,
Не цвѣты ужь на калинѣ,
Много ягодныхъ огней.

Словно алые кружочки
Словно цвѣтъ родилъ звѣзду.
И сижу я здѣсь въ садочкѣ,
А опять я въ лѣсъ пойду.

НА КРОВАТКѢ.

На кроваткѣ на тесовой
Вешній садъ.
Тамъ дружокъ мой непутевый,
Говоритъ.
Говоритъ-то это птица
Надъ избой,
Да еще вотъ половица
Подъ ногой.
Онъ съ кроватки поднимался,
Возставалъ,
Чрезъ оконце наклонялся,
Цвѣтикъ рвалъ.

Чрезъ оконце этотъ цвѣтикъ
Онъ пронесъ.
Ужъ мнѣ стонлъ этотъ цвѣтикъ
Много слезъ.
И какія эти слезы,
Не пойму.
Всѣ ему отдамъ я розы,
Все ему.
Съ нимъ весь міръ какой-то новый,
Все свѣжо.
На кроваткѣ на тесовой
Хорошо.

СОНЪ.

Меня сонъ не беретъ,
Изъ ума мой милъ нейдетъ.
Гдѣ то онъ? Ужь темно.
Мѣсяцъ смотрится въ окно.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Приходи ко мнѣ хоть сонъ.

А сонъ соскользнулъ,
На рѣсницы мнѣ дохнулъ,
Пошепталъ—приведу,
Засвѣчу твою звѣзду.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Разморилъ меня мой сонъ.

Гляжу, не гляжу,
Вся какъ пьяная лежу.
Звѣзды, что ль, въ цвѣтахъ горятъ?
Это горница иль садъ?
Это онъ! Это онъ!
Ахъ какъ свѣтитъ Небосклонъ!

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Я взглянула изъ окна,
Вижу—бѣлая Луна.
Слышу—сладко межъ вѣтвей
Распѣваетъ соловей.

Сладкопѣвецъ распѣвалъ,
Въ Небо голосъ подавалъ.
Въ Небѣ звѣзды съ высоты
Упадали на цвѣты.

Чѣмъ нѣжнѣй незримый пѣлъ,
Тѣмъ былъ больше Мѣсяцъ бѣлъ,
И свѣтлѣй въ зеленый садъ
Лился звѣздный водопадъ.

И красавица Луна
Такъ была въ конецъ блѣдна,
Что какъ призракъ съ высоты
Опрозрачила цвѣты.

И отъ звѣздъ и отъ цвѣтовъ
Столько всюду было сновъ,
Что навѣкъ въ душѣ моей
Не смолкаетъ соловей.

ЗАВОРОЖИЛЪ.

Душу обнялъ ты мою,
Свѣтловзоръ, тебя пою.
Чѣмъ меня заворожилъ?
Вѣдь не золотомъ кудрей,

Хоть въ саду ты всѣхъ свѣтлѣй,
Хоть изъ всѣхъ ты сердцу милъ
Изумрудностью очей,
Воркованіемъ рѣчей.
Хоть и этимъ упоилъ,
Да не этимъ душу взялъ,
И не этимъ во дворецъ
Манишь столько ты сердецъ,
Въ самый праздничный нашъ залъ.
Тѣмъ, что взоръ твой отразилъ
Несосчитанность свѣтилъ,
Тѣмъ, что голосъ твой—весна,
Сине-Море-глубина,
Тѣмъ, что каждый поцѣлуй
У тебя какъ свѣжесть струй,
Тѣмъ, что тѣлу давъ мечты,
Въ тѣлѣ душу обнялъ ты,
Этимъ, этимъ, межь сердецъ,
Взялъ мое ты наконецъ.

КРУТОЙ БЕРЕЖОКЪ.

Хорошо-ль вы, братцы, почивали,
Хорошо-ль вы спали, ночевали?
Я-то добрый молодецъ, хоть спалъ,
Только плохо сердцемъ почивалъ.
Снилось мнѣ, что бережкомъ я краснымъ
По крутымъ мѣстамъ пошелъ опаснымъ,
Былъ мнѣ любъ тотъ красный бережокъ,
Какъ онъ крутъ, мнѣ было невдомекъ.
Загулялся я, и оступился,
Бережокъ тотъ красный обвалился.
Оступился лѣвой ногой,
Ухватился правою рукой

Я за древо крѣпкое, кручину,
И держу, и древо не покину.
Такъ вотъ здѣсь, надъ быстрою водой,
Весь свой вѣкъ скончаю молодой.

БѢЛАЯ ПТАШКА.

Розовая кашка
Въ зарѣ расцвѣчалась.
А бѣлая пташка
По садику металась.
Самая бѣлая
Межь бѣлыхъ райскихъ птицъ,
Самая несмѣлая,
Съ вѣтвей упала ницъ.
Крылышкомъ махаетъ,
Крылышками блещетъ,
Сердцемъ поздыхаетъ,
На землѣ трепещетъ.
Мать моя родная,
Мать Земля сырая,
Исповѣдь мою
Я не утаю.
Вѣтви—изумрудны,
Отъ сестрицъ тамъ бѣло,
Вѣтви—многочудны,
Быть тамъ не сумѣла.
Что-то закружилось,
Что-то повлекло,
Въ вихрѣ я носилась,
Стало тяжело.
Я была въ усладѣ,
Въ садѣ и не въ садѣ,
Выше изумруда,
Новое тамъ чудо.

Духъ мой захватило.
Выше быть вѣтвей!
Слабость или сила,
Но была я—съ ней.
Съ сладостію, съ нею,
Быть хочу опять,
Лишь о ней жалѣю.
Больше—не видать.
Полно, птичка, биться
О сырую землю.
Въ сердце все вмѣстится,
Сердцу здѣсь я внемлю.
Я твоей былъ силой,
Слабостью несмѣлой.
Съ пташкой бѣлокрылой
Быть мнѣ птицей бѣлой!

ЖЕМЧУЖИНА ПЕРЛАМУТРОВНА.

Я приду къ тебѣ въ навечеріе,
Буду ждать тебя у преддверія,
Чтобъ въ завѣтный часъ мнѣ увидѣть свѣтъ
Ненаглядныхъ глазъ, гдѣ на все отвѣтъ.

Я приду къ тебѣ какъ нантіе,
Буду ключъ златой для раскрытія,
Чтобъ душа душѣ, о, Жемчужина,
Вся была сполна обнаружена.

Я приду къ тебѣ какъ къ заутренѣ,
Я Жемчужинѣ Перламутровнѣ
Прошепчу сквозь дверь: „Отомкни теперь.
Я люблю тебя. Отворись и вѣрь".

ВЪ РАКОВИНѢ.

— Ты гдѣ была, Жемчужина, когда я ждалъ тебя?
— Я въ раковинѣ пряталась, и тамъ ждала—любя.
— О чемъ же ты, Жемчужина, тамъ думала въ тиши?
— О радости, о сладости, о счастіи души.
— И въ чемъ же ты, Жемчужина, то счастіе нашла?
— Въ дрожаніи сознанія, что ввысь взойду—свѣтла.
— А знала ль ты, Жемчужина, что теремъ твой сломлю?
— Онъ теменъ былъ, я свѣтлая, я только свѣтъ люблю.
— А знала ль ты, Жемчужина, что послѣ ждетъ тебя?
— Я отсвѣтъ Лунъ, я отблескъ Солнцъ, мой путь—свѣтить любя.

ЗВѢЗДНАЯ МЫСЛЬ.

— О, сестра моя дарованная,
Лучшей мыслью облюбованная,
Солнце, Море, все мое,
Что ты видишь?—Лезвіе.
— О, сестра моя, плѣнительница,
Звѣздныхъ мыслей обольстительница,
Что грозитъ намъ лезвіемъ?
— Лѣсъ.—Но мы въ Саду вдвоемъ.
— Лѣсъ грозится намъ разбойниками,
Смертелюбами, покойниками.
— Для чего-жь идти намъ въ Лѣсъ,
Если столько здѣсь чудесъ?
— Если я Судьбой дарованная,
Звѣздной мыслью облюбованная,
Я хочу ихъ просвѣтить,
Въ яму къ свѣту бросить нить.
— О, надъ душами гадательница,
Золотая сострадательница,
Если ты горишь въ Саду,
Видитъ Лѣсъ—изъ тьмы—звѣзду.

И свободны волей яменники,
Захотятъ, прибудутъ пламенники,
Не хотятъ, продолжатъ путь,
Ты же, звѣздность, въ звѣздахъ будь.

ВЕРШИННЫЙ СОНЪ.

Если жемчугъ, сапфиръ, гіацинтъ, и рубинъ
Съ изумрудомъ смѣшать, превративши ихъ въ пыль,
Нѣжный духъ ты услышишь, нѣжнѣй, чѣмъ жасминъ,
И красиво-пьянѣй, чѣмъ ваниль.
Въ ароматѣ такомъ есть фіалка весны,
И коль на ночь подышешь ты тѣмъ ароматомъ,
Ты войдешь въ благовонно-стозвонные сны,
Ты увидишь себя въ Вертоградѣ богатомъ,
Въ Вертоградѣ двѣнадцати вратъ,
Гдѣ оплоты подобны сіяющимъ латамъ,
И рядами въ стѣнахъ гіацинты горятъ,
И рядами алѣютъ и льются рубины,
И рядами, какъ возлѣ озеръ—берега,
Изумруды, сапфиры горятъ, жемчуга,
Кто-то шепчетъ тебѣ:—„Ты единый!
„Посмотри, посмотри:—
„Здѣсь заря—до зари.
„Любишь?“—„Счастье! Люблю.“—„Повтори! Повтори!“
„О, люблю!“—Какъ сіяютъ вершины!

ЛАДАНЪ.

Есть ладанъ и ладанъ. Есть ладанъ простой,
Хоть свѣтъ отъ него золотой.
И духъ его, синій расцвѣтъ ѳміама,
Есть чара вечерняго храма.

Есть ладанъ. который—отъ утреннихъ росъ,
Отъ ночи, отъ зорь, и отъ слезъ.
И столько-ль молитвъ, какъ сердечнаго зноя,
Въ пахучемъ дыханьи бензоя.

ВО ХРАМѢ НОЧНОМЪ.

Во храмѣ ночномъ
Бряцаютъ кадила.
Башенный звонъ притихъ.
Ладанъ, бензой, киннамомъ,
Рѣетъ Небесная сила,
И стройный поется стихъ.
„Сестра ожиданій моихъ,
Звѣзда исканій полночныхъ.
Огонь мгновеній урочныхъ,
Когда нельзя не любить.
Цѣпный камень, въ которомъ
Пламени—жаждущимъ взоромъ
Поютъ возсіявшимъ хоромъ.
Въ тайну—лучистая нить,
Несокрушимость, основа
Для золотого,
Жданнаго,
Столь осіяннаго,
Храма.
Весь міръ для тебя лишь лучистая рама,
Весь міръ для того лишь возникъ,
Чтобъ изъ сердца, гдѣ вспыхнулъ кладъ,
Гдѣ вотъ эти огни горятъ,
Вырвался крикъ,
Пламенно-жаркій,
И знающій также, какъ сладостна тишь,
Въ молитвѣ безгласной и яркой,
Когда какъ звѣзда ты горишь,

Когда какъ Луна ты, какъ Солнце, какъ Богъ,
Какъ радуга молній, какъ шопотъ, какъ вздохъ,
Какъ зовъ изъ-за дали морей,
Наконецъ возвѣстившій: „Пора!
Приходи, я тебя увѣнчаю всѣмъ блескомъ расцвѣтшихъ вѣтвей".
О, сестра!
Я хотѣлъ бы всѣ звѣзды, всѣ души замкнуть
Для тебя, здѣсь, въ душѣ просвѣтленной моей.
О, сестра!
Ты—путь".
Ладанъ, бензой, киннамомъ,
Бряцанье пахучихъ кадилъ.
„Братъ, ты отрада, ты мой, ты мой домъ,
Братъ, сколько счастья въ огнѣ голубомъ.
Звѣзды Господь—для тебя засвѣтилъ,
Для тебя всѣ цвѣты расцвѣтилъ."

ТИХІЙ ДОНЪ.

„И времени больше не будетъ..."
Откровеніе.

На тихомъ на Донѣ,
Въ сіяньи и въ звонѣ,
Цвѣтетъ зеленѣющій садъ.
Летаютъ тамъ птицы,
Сіяютъ зарницы,
Стоятъ тамъ свѣтлицы,
Горятъ.

Въ свѣтлицѣ столовой
Тамъ столъ есть дубовый,
Двѣнадцать любимыхъ за нимъ.
Они не страдаютъ,
Они обладаютъ,
Въ нихъ сумраки таютъ,
Какъ дымъ.

Въ свѣтлицѣ столовой,
Въ той горницѣ новой
И вѣчной какъ Солнце и свѣтъ,
Двѣнадцать красивыхъ,
Безсмертно-счастливыхъ,
Все въ мірѣ—въ разрывахъ,
Здѣсь—нѣтъ.

Въ нѣмомъ поцѣлуѣ
Застывшія струи
Молчаньемъ окованныхъ водъ.
И звонъ колокольный,
Надъ бездною дольной,
Въ уютъ тотъ безбольный—
Зоветъ.

ГОЛОСЪ.

Былъ голосъ изъ-за облака:—Пребудьте въ бытіи.
Послушайте, вы, голуби, вы, вѣрные мои.
Затѣемъ мы огнистую снѣжистую игру,
Я плоть себѣ пречистую покровомъ изберу.
Я въ эту ткань богатую по-царски облекусь,
Не тѣнью къ вамъ крылатою, а весь какъ есть явлюсь.
И будетъ духъ—въ круженіи, какъ голубь круговой,
Въ сверканьи и въ горѣніи въ свирѣльности живой.
Въ великой осіянности кружащихся планидъ,
Въ блаженной несказанности, въ которой буря спитъ.
И вотъ—и вотъ—идетъ она, идетъ она, ростетъ,
Въ душѣ горячимъ молніямъ забытъ-утраченъ счетъ.
Мы въ бѣшеной любовности, мы въ бѣлыхъ облакахъ,
Въ великой безгрѣховности, въ свѣжащихъ насъ громахъ.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(голуби).

Ты оставь чужихъ людей,
Ты межъ братьевъ порадѣй,
Богомъ-Духомъ завладѣй.

Люди ходятъ такъ и сякъ,
Входятъ въ свѣтъ и входятъ въ мракъ,
А не знаютъ вѣщій знакъ.

Мы же—посолонь всегда,
Наша—свѣтлая страда,
И несбивчива—Звѣзда.

Богъ есть мертвый, Богъ живой,
Богъ живой да будетъ твой,
Поспѣшай, Господь съ тобой.

БОГЪ ЖИВОЙ.

(горлицы).

Богъ живой, вездѣ живой,
Въ Небошири голубой,
Въ Солнцѣ, въ Мѣсяцѣ, въ звѣздѣ,
Въ протекающей водѣ.

Въ громоздящихся китахъ,
Въ еле видимыхъ цвѣтахъ,
Въ паутинкѣ на вѣтру,
Въ снѣ послѣднемъ поутру.

АЗЪ ЕСМЬ БОГЪ.

Азъ есмь Богъ, въ вѣкахъ предсказанный,
Изъ глубинъ своихъ развязанный,
Изъ глубинъ своихъ свободъ
Вставшій здѣсь, какъ мигъ и годъ.

Азъ есмь Богъ и откровеніе,
Темнымъ душамъ во спасеніе,
Свѣтлымъ душамъ въ поцѣлуй,
Да поютъ, любя: „Ликуй!"

Азъ есмь Богъ вочеловѣченный,
Звѣздоликостью отмѣченный,
Всѣхъ другихъ боговъ не счесть,
Но иного Бога нѣсть.

НѢТЪ ДРУГОГО УЧЕНІЯ.

Нѣтъ другого ученія. Не ищите его.
А на чемъ вы поставлены, стойте.
То, что вамъ заповѣдано, не утратьте того,
И закинувши неводъ свой, пойте.

Не женись, неженимые. Разженитесь съ женой,
Вы, женимые,—будьте съ сестрою.
И глазами въ глаза взглянувъ, глубина съ глубиной,
Будьте тѣломъ—и тѣломъ—съ душою.

Разъ вы хмѣля касаетесь, да лучистъ будетъ хмѣль,
Разъ въ словахъ, не склонись къ суесловью.
Семикратно есть проклятъ тотъ, кто разрушилъ свирѣль,
Семибездно онъ проклятъ Любовью.

Не украдьте. Единую кто копѣйку возьметъ,
Ту копѣйку положатъ на темя.
Будетъ жечь, будетъ жечь она, до прощенья прожжетъ,
Но, чтобъ плавиться, нужно ей время.

Другъ ко другу ходите вы, и водите хлѣбъ-соль,
И любитесь любовью желанной.
И храните всю заповѣдь, и храните, доколь
Не приду къ вамъ, Огнемъ осіянный.

ГРѢХЪ ОДИНЪ.

Есть грѣхъ одинъ и грѣхъ мучительный,
Хотя и много есть грѣховъ.
Одинъ чрезмѣрно-унизительный,
И продолжающійся, длительный,
Въ себѣ таящій сонмъ гробовъ.

То грѣхъ души съ душою скованной,
То принужденіе для губъ,
Когда привычно-уготованный
Есть поцѣлуй не очарованный,
И тѣло съ тѣломъ—трупъ и трупъ.

На этотъ грѣхъ, съ безмѣрной ратію,
Иду, и вешній вѣтръ струю.
Я предаю его проклятію,
Я предаю его треклятію,
Четвероклятью предаю.

ЧЕТВЕРОКЛЯТІЕ.

Четверокляті̀е мое
Не только въ отверженьи.
На сжатой нивѣ есть старье,
Я жгу его, свящу ее,
И, освящая бытіе,
Такъ возвѣщаю въ пѣньи.

Заклятье первое—Огонь.
Сквозь снѣгъ ведетъ онъ къ Маю.
Имъ стебель живъ, и волкъ, и конь,
И человѣкъ. Идетъ—не тронь,
Придетъ—впусти, онъ святъ, Огонь.
Иначе—сожигаю.

Второе слово есть Земля.
Въ ней свѣжесть вешней силы.
Въ ней спитъ зерно, о днѣ моля,
Стволы ростутъ для Корабля,
Люби ее, намъ мать Земля.
Иначе—мракъ могилы.

Заклятье третіе—Вода.
Въ ней вѣчность возрожденья.
Въ ней отражается Звѣзда,
Въ ней дождь и слезы, нѣтъ и да,
Люби ее, сестра Вода.
Иначе—потопленье.

Четвертый голосъ—Вѣтра духъ.
Въ немъ вольный зовъ свирѣли.
Святую тайну мысли вслухъ,
Въ цвѣткѣ лелѣй нѣжнѣйшій пухъ,
Пойми, что въ Вѣтрѣ дышетъ Духъ.
Иначе—свистъ мятели.

ОБЩНИКИ СВЯТОСТИ.

Общники нѣкоей святости, кою въ словахъ не замкнуть.
Съ вами сливаюсь я мыслію, вотъ раскрывается грудь.
Нѣтъ, не ключомъ отмыкается. Нѣтъ, не блестящимъ ножомъ.
Все же открылась, какъ горница. Въ горницѣ кладъ бережемъ.

Гнали насъ. Это мнѣ вѣдомо. Голову сѣкли враги.
Сердце тѣснили и мучили. „Лги, заблуждайся, и лги".
Мечъ былъ не страшенъ искателямъ. Нужно вамъ жертвы? Такъ что-жь,
Примемъ—отсюда отшествіе. Только не примемъ мы—ложь.

Гналъ насъ. Даже скончавшихся вырыли низкой рукой.
Въ пламень кощунственно бросили призрачность, прахъ дорогой.
Пепелъ развѣяли въ воздухѣ. Благо! Священенъ огонь.
Вѣтеръ, ты, вѣющій вольностью, спасъ отъ чрезмѣрныхъ погонь!

Дальше! Въ верховную сторону. Дальше! Опять и опять.
Между людей изумившихся звѣздная свѣтитъ печать.
Къ брату отъ брата свѣченіе. Брату отъ брата вѣнецъ.
Свѣтлая длинная лѣстница. Дѣти и звѣздный Отецъ.

ИСХОДЪ.

Изъ темнаго подполья,
Гдѣ прятался мы,
Во время своеволья
Метелистой Зимы,
На праздникъ богомолья
Выходимъ мы теперь,
На вольное раздолье
Изъ тьмы раскрылась дверь.

И Диво-Голубица,
Что первая межь насъ.
Завѣтная криница,
Негаснущій алмазъ,
Сіяетъ намъ—Звѣздица,
Проходитъ череда,
И въ каждомъ сердцѣ—птица,
Во всѣхъ очахъ—звѣзда.

КЪ СЛАДИМЪ-РѢКѢ.

Сладимъ-Рѣка, ты слышишь?
Я правду говорю:
Дышу—когда ты дышишь,
Горишь—и я горю.

Лукавишься ты Змѣемъ—
Змѣино мы скользимъ,
Мерцаемъ и нѣмѣемъ,
Живемъ огнемъ твоимъ.

Отъ вѣка и до вѣка,
И раньше вѣковъ всѣхъ,
Твое мы пили млеко,
Лелѣяли твой смѣхъ.

Какъ молнія любилъ я
До дней моихъ земныхъ,
Какъ жаворонокъ былъ я,
Испивши водъ твоихъ.

И былъ звѣздистымъ тигромъ,
Зеленой былъ змѣей,
Чтобъ вѣчно—къ новымъ играмъ,
Чтобъ вѣчно—быть съ тобой.

И я свирѣльникъ нынѣ,
Сладимъ,—чтобъ жить, любя,
Съ тобой журчать въ пустынѣ,
Пѣвцамъ пропѣть—тебя.

ЖЕНИХЪ.

Женихъ идетъ, Женихъ грядетъ,
Невѣсту отыскалъ,
Его дворецъ—небесный сводъ,
Его коверъ—зеркальность водъ,
А башня—глыбы скалъ.

Женихъ пришелъ, Невѣсту взялъ,
Приданое—Земля,
Его же знакъ есть цвѣтикъ алъ,
Замкнутъ въ началѣ всѣхъ началъ,
Въ движеньи Корабля.

Пришелъ Женихъ, пришелъ Женихъ,
Невѣста хороша,
Вѣка и дни дѣлили ихъ,
Теперь поемъ мы брачный стихъ,
Вѣнчается—Душа.

ЗЛАТОЙ ТКАЧЪ.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ глазахъ—лазурь,
Надъ глубокою водой
Ты дышалъ рожденьемъ бурь.

У тебя вѣнецъ златой,
Очи—свѣтлый изумрудъ,
Въ сердцѣ—пламень молодой,
Въ мысляхъ—горлицы поютъ.

Нашей Утренней Звѣздой,
Нашимъ Солнцемъ ты рожденъ.
У тебя вѣнецъ златой,
А въ очахъ—мудреный сонъ.

Къ намъ Вечернею Звѣздой,
Къ намъ Луною ты введенъ.
У тебя вѣнецъ златой,
Вкругъ тебя не молкнетъ звонъ.

Свѣтлый лукъ возьми—и стой,
Сердце каждаго—какъ лань.
Ты стрѣлою золотой,
Ты стрѣлой пѣвучей—рань.

Будь намъ Утренней Звѣздой,
Солнцемъ жги, и Солнцемъ встань.
Всѣмъ намъ нуженъ ткачъ златой,
Чтобъ соткать златую ткань.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ очахъ—намекъ.
Надъ Землей и надъ Водой
Ты поставилъ свой станокъ.

ГУСЛЯРЪ.

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалитъ,
У меня зато есть гусли,
И въ душѣ поетъ смычокъ.
Эти гусли—отъ Давида,
И ужь разъ ладья отчалитъ,
Самъ не вѣдаю, вернусь ли,
Богъ уводитъ мой челнокъ.

Звонки въ сердцѣ голубиномъ
Зовы горлицъ, ихъ журчанье,
Стройно ангельское пѣнье,
Я увѣровалъ въ себя.
Духъ владѣетъ Божьимъ сыномъ,
Въ каждомъ цвѣтикѣ—вѣщанье.
А меня несетъ теченье
Тамъ, гдѣ вёсны ждутъ, любя.

Такъ и ждутъ и не проходятъ,
Отъ Апрѣля и до Мая,
Чуть посмотрятся въ Іюнѣ,
И опять глядятъ въ Апрѣль.
И цвѣточно звоны бродятъ,
Перекличка голубая,
Словно въ птицѣ Гамаюнѣ
Разыгралася свирѣль.

Разблажились и гуторятъ,
Словно море Морю вторятъ,
Разыгравшіяся гусли,
Отъ цвѣтка къ цвѣточку вздохъ.
И не ссорятся, не вздорятъ,
Лишь въ любви любовью спорятъ,
Я уплылъ въ напѣвъ,—вернусь-ли,
Это вѣдаетъ лишь Богъ.

БЛѢДНЫЙ БРАТЪ.

Блѣдный вымолвилъ братъ:
Ты чему больно радъ?
Я сказалъ: А тому,
Что теперь все пойму.

Блѣдный вымолвилъ мнѣ:
Цвѣтъ лишь цвѣтъ по веснѣ.
Я отвѣтилъ: Весна
Мнѣ навѣкъ суждена.

Блѣдный вымолвилъ братъ:
А зима? А закатъ?
Понялъ я: Братикъ мой,
Ты закатъ мой съ зимой.

Ты былъ я, отошелъ,
Въ Божій кругъ я вошелъ.
И на Божьемъ кругу
Все могу, все могу.

ХОРОВОДЪ.

По надъ прудомъ—прудомъ садъ, вешній садъ.
Бѣлымъ кругомъ схваченъ взглядъ, всѣ скользятъ.

По за лѣсомъ темный лѣсъ, шепчетъ лѣсъ.
Здѣсь воскресла пѣснь чудесна. Онъ воскресъ.

Подъ Луной—Луною лугъ, свѣжій лугъ.
Всѣ—со мною, всѣ—за мной, въ быстрый кругъ.

По надъ прудомъ—прудомъ темь, тамъ темно,
Да по водамъ хороводы тѣшатъ дно.

Такъ ужь гибки эти рыбки, всѣ плывутъ.
Здѣсь проблещутъ, тамъ сіяютъ, тутъ зовутъ.

По надъ садомъ—садомъ Ночь, ширь Небесъ.
Міръ зоветъ къ святымъ забавамъ. Онъ воскресъ.

БРАТЬЯ-СЕСТРЫ.

Братья, Сестры, порадѣйте во зеленымъ саду,
Каждый съ сердцемъ, въ каждомъ сердцѣ разожжемъ одну звѣзду.

Въ быстрой смѣнѣ, мы—снѣжинки, пляшемъ, вихря не видать,
А снѣжинки, зримо взору, восхваляютъ благодать.

Въ ожерельи, мы—какъ пчелы, мы—какъ звѣзды, какъ цвѣты,
Мы, какъ птицы, научились этимъ снамъ—у высоты.

Братья, Сестры, вы умѣйте благодатью повладѣть,
Если золото остынетъ, будетъ тягостная мѣдь.

Братья, золото храните, и чтобъ каждая сестра
Ни дыханьемъ не затмила жемчуговъ и серебра.

Вы коренья золотые не топчите по землѣ,
Вы серебряныя вѣтки чуть качайте въ нѣжной мглѣ.

И въ воздушные листочки перебросьте вы огни,
Чтобъ, горя, да не сгорая, не осыпались они.

И въ глазахъ своихъ лелѣйте поцѣлуйныя слова,
Чтобы вѣчнымъ изумрудомъ разстилалась намъ трава.

СВѢТИСЬ, СВѢТИСЬ.

Свѣтись, свѣтись, Іерусалимъ,
Свѣтись, свѣтися, новый,
Мы обвѣнчали души съ Нимъ,
Вошли въ тайникъ Основы.

Ликуй и веселись, Сіонъ,
Ликуй, ликуй, Сіоне,
Мы вѣрный поняли законъ,
Мы въ праздникѣ и въ звонѣ.

Свѣтись, свѣтись, моя сестра,
Свѣтись, мой братикъ милый,
Мы были мертвыми вчера,
Мы вышли изъ могилы.

Да воспоемъ какъ сонмы лиръ,
Да возгремимъ какъ тучи,
Свѣтись, свѣтись, воскресшій міръ,
Воспой—кто сталъ пѣвучій.

РАДУЙСЯ.

Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка течетъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ есть медъ,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ прильнемъ,
Радуйся—съ Сладимъ-Рѣкой мы въ Рай, мы въ Рай войдемъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка поитъ и кормитъ всѣхъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка смываетъ всякій грѣхъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ вѣщанье для души,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ спѣши,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть Рай,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, Сладимъ-Рѣку вбирай,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть медъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка зоветъ.

РАСКРЫТЫЕ УЛЬЯ.

Всѣ окна въ нашемъ теремѣ огнемъ озарены,
Цвѣты на каждомъ деревѣ съ лучомъ обручены,
Отмѣтили всѣ двери мы, поставивъ тайный знакъ,
Теперь, что будетъ въ теремѣ—да будетъ это такъ.

Изъ кладезя глубокаго вода принесена,
Въ той горницѣ, гдѣ горлицы, святая тишина,
Гдѣ голуби—какъ проруби, тамъ чудится жерло,
И страшно такъ, и сладко такъ—что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будетъ наяву,
Дремотное—развязано, и дождь сѣчетъ траву.
Листы къ листамъ, уста къ устамъ, и тѣло къ тѣлу льнетъ,
И лучъ изъ водъ туманъ зоветъ, какъ тучу, въ Небосводъ.
А тамъ готова молнія, и льются, за огнемъ,
Изъ облакъ ведра полныя въ надземный водоемъ.
Журчитъ въ высокомъ теремѣ вспѣненный водометъ.
Ужели въ самомъ дѣлѣ мы не вкусимъ сладкій медъ?
Разъ въ ульяхъ есть обиліе, мы ихъ освободимъ.
Раскрой, душа, воскрылія! Теки, Рѣка-Сладимъ!

ВЗБРАННЫЙ ВОЕВОДА.

Взбранный Воевода нашъ сіяетъ высоко,
Взбранный Воевода нашъ нисходитъ глубоко.
Свѣтлымъ хороводомъ мы вездѣ за нимъ спѣшимъ,
Свѣтлымъ хороводомъ мы радѣніе свершимъ.
Взбранный Воевода нашъ просторъ объемлетъ весь,
Взбранный Воевода нашъ въ кругу сіяетъ здѣсь.
Бѣлымъ хороводомъ мы какъ звѣзды за Луной,
Бѣлымъ хороводомъ мы горимъ во тьмѣ ночной.
Взбранный Воевода нашъ роститъ для насъ цвѣты,
Взбранный Воевода нашъ возлюбилъ красоты.
Вольнымъ хороводомъ мы все посолонь идемъ,
Вольнымъ хороводомъ мы вѣнокъ ему плетемъ.

САВАОѲЪ.

Савао҃ѳъ, Савао҃ѳъ,
Отъ высокихъ облаковъ,
Для радѣтелей твоихъ,
Возлелѣй духовный стихъ,

Чтобы въ кругѣ, какъ на лугѣ,
Увидали мы другъ въ другѣ
Много мысленныхъ цвѣтовъ,
Саваоѳъ, Саваоѳъ!

Богъ громовъ, Саваоѳъ,
Ты надъ вихремъ нашихъ сновъ,
Ускоряя голубей,
Духомъ облачнымъ повѣй,
Чтобъ въ круженьи бѣломъ, бѣломъ,
Чтобъ въ хотѣньи смѣломъ, смѣломъ,
Ты сошелъ къ намъ Саваоѳъ,
Саваоѳъ, Саваоѳъ!

ПОГОНЯ.

Чей это топотъ?—Чей это шопотъ?—Чей это свѣтится глазъ?
Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной вьюгѣ—пляшетъ и путаетъ насъ?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилья—бьются и снова летятъ?
Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блещущій взглядъ?

Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ поетъ какъ гроза?
Чьи неотступно—можетъ, преступно—смотрятъ и смотрятъ глаза?

Кто измѣнился—кто это свился—въ полный змѣиности жгутъ?
Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

ВЕСЕЛЫЙ РОЙ.

Вся въ вѣнцахъ седьмигранныхъ, просіяла Сіонъ-Гора.
Въ торжествахъ необманныхъ мы сошлись, мы сошлись. Пора.

Живогласныя трубы намъ поютъ о живомъ цвѣткѣ,
И румяныя губы говорятъ о Сладимъ-Рѣкѣ.

Возсіяли зарницы, и до молній громовъ дошли.
Восплескалися птицы, и запѣли, поютъ вдали.

Ужь вдали или близко, не узнать. Можетъ тутъ, въ крови.
И высоко и низко перелетъ обоймётъ. Лови.

Въ вертоградѣ веселомъ перелетомъ цвѣтокъ цвѣтетъ.
И, подобные пчеламъ, мы рождаемъ по каплѣ медъ.

Въ вертоградѣ цвѣтущемъ мы съ толпою летимъ вдвоемъ.
И на вихрѣ поющемъ мы несомы—и міръ несемъ.

ЦАРЬ-ДУХЪ.

Царь Духъ! Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!
Царь Духъ! Царь Богъ! Царь Духъ!
Возьми, прими мой стонъ, мой вздохъ,
Войди какъ звонъ въ мой слухъ!

Ой, Духъ! Ой, Духъ! Царь Богъ! Царь Богъ!
Твой зовъ нѣжнѣй, чѣмъ пухъ!
Въ меня, какъ дождь, чтобъ умъ не сохъ!
Царь Богъ! Царь Богъ! Царь Духъ!

ГУСЛИ.

Гусли непрестанныя,
Ласково желанныя,
Тѣшатъ райскихъ птицъ.
Трубы живогласныя,
Страстныя и властныя,
Манятъ тѣло ницъ.

Послѣ одиночества,
Слушая пророчества
Братьевъ и сестеръ,
Мы кругообразными
Тѣшимся соблазнами,
И сверкаетъ взоръ.

Мы какъ птицы носимся,
Другъ ко другу просимся,
Другъ ко другу льнемъ.
Пляшемъ, разомлѣлые,
И рубахи бѣлыя
Какъ мятель кругомъ.

Въ вихрѣ все ломается,
Вьется, обнимается,
Буйность безъ конца.
Посолонь круженіе,
Съ Солнцемъ наше млѣніе,
Солнечны сердца.

О, подобно саванамъ,
Свѣтитъ эта слава намъ,
Пляшетъ вертоградъ.
И какъ Мѣсяцъ блѣдны мы,
И какъ онъ побѣдны мы,
Слитные—горятъ.

ВЕРХОВНЫЙ ГОСТЬ.

Пресвѣтлый Гость, Верховный Гость,
Сойди, сойди, сойди!
Ты насъ тани, мы всѣ твои,
Гляди, гляди, гляди!
Ты насъ храни, а мы огни
Зажжемъ, зажжемъ, зажжемъ!

Въ живую плоть войди, Господь,
Огнемъ, огнемъ, огнемъ!
На свѣтлый лугъ, въ нашъ быстрый кругъ
Сойди, сойди, сойди!
Ты любъ намъ, Гость, Верховный Гость,
Гляди, гляди, гляди!

ПЛЯСКА ДВУХЪ.

—Я изъ града Вѣтрограда,
Называюсь „Вѣй".
—Я изъ града Цвѣтограда,
Я „Огонь очей".
—Я по граду Вѣтрограду
Здѣсь, и нѣтъ, вонъ тамъ.
—Я по граду Цвѣтограду
Пить даю цвѣтамъ.
—Я во градѣ Вѣтроградѣ
Взвился, темнота.
—Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Жду, цвѣтокъ—уста.
—Я во градѣ Вѣтроградѣ
Водоемъ взломлю.
—Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Пропою „Люблю".
—Я изъ града Вѣтрограда
Брызну вихремъ струй.
—Я изъ града Цвѣтограда
Позову „Цѣлуй".

ДА.

Ахъ, Отецъ мой Отецъ—да,
Ты зиждительный Творецъ—да,
Приведи меня въ конецъ—да,
Что въ конецъ всѣхъ сердецъ—да,

Гдѣ игра колоколецъ—да,
Гдѣ таинственный ларецъ—да,
Гдѣ вѣчальный свѣтъ колецъ—да,
Ты въ злату трубишь трубу—да,
Пробуждаешь во гробу—да,
Вольнымъ быть велишь рабу—да,
Возвѣщаешь всѣмъ судьбу—да,
Завлекаешь въ ворожбу—да,
Въ золотую ворожбу—да,
Ахъ ты Батюшка святой—да,
Птица соколъ золотой—да,
Надъ глубокою водой—да,
Пролетаешь молодой—да,
Сердце вдругъ пронзишь мечтой—да,
Окрыляешь Красотой—да,
Съ птицей мчишься, съ той, и съ той—да.

РАДѢНІЕ.

Дѣти Солнца, въ часъ полночный,
Собрались въ игрѣ урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
Бѣлый праздникъ ночью черной,
Быстро, посолонь стремленье,
Звѣзды, въ жаждѣ обновленья,
Прорѣзаютъ такъ туманъ,
Въ кругѣ, знаменье радѣнья,
Со святой водою чанъ.

Ногъ босыхъ все глуше топотъ,
Устъ сухихъ не слышенъ ропотъ,
За одной живой стѣною
Двѣ и три идутъ волною,
Близь рубахи—сарафанъ,
И напѣвной тишиною
Зачарованъ водный чанъ.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
Въ ликѣ свѣтлая дремота,
Пробуждается въ купели,
Мы недаромъ здѣсь радѣли,
И пропѣли заговоръ,
Въ вихрѣ слышенъ зовъ свирѣли,
Въ чанѣ темномъ яркій взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся.
Съ неземнымъ соприкоснулся,
Мы истомнымъ взяты раемъ,
Въ пляскѣ мы изнемогаемъ,
Мы блѣднѣй, чѣмъ полотно,
Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
Это было суждено.

ВЪ ТАЙНОЙ ГОРНИЦѢ.

Въ тайной горницѣ, гдѣ взяты души вольныхъ въ нѣжный плѣнъ,
Свѣчи длинныя сіяютъ ровнымъ пламенемъ вдоль стѣнъ,

Взоръ ко взору устремлялся, сердце въ сердце, разумъ въ умъ,
Отъ пѣвучихъ думъ рождался, въ пляскѣ тѣлъ, размѣрный шумъ.

Вскрики, дикіе какъ буря, какъ въ пустынѣ крикъ орла,
Душу выявили въ звукахъ, и опять душа свѣтла.

Въ бѣломъ вихрѣ взмахи чувства сладкій вѣдали предѣлъ,
И вѣнчальные наряды были саванами тѣлъ.

Въ этой плескѣ изступленной каждый думалъ—про себя,
Но, другими окруженный, вился—сразу всѣхъ любя.

Въ этомъ множественномъ ликѣ, повторивъ стократъ изгибъ,
Души плыли, какъ весною—стройный шабашъ свѣтлыхъ рыбъ.

Такъ повторно, такъ узорно, съ хороводомъ хороводъ,
Извиваясь, любитъ слитно, и, безумствуя, плыветъ.

И, проплывъ, осуществили весь молитвенный напѣвъ,
И въ сердцахъ мужскихъ блаженство, какъ блаженство въ сердцѣ дѣвъ.

И въ тѣлахъ мужскихъ дрожанье, многострунность въ тѣлѣ женъ,
Это было, жизнь свѣтила, воплотился яркій сонъ.

И въ тѣлахъ сіяютъ души, каждый дышетъ, свѣтелъ взглядъ,
Въ тайной горницѣ полночной свѣчи жаркія горятъ.

ТЫ СВѢТИ, СВѢТИ.

Ты свѣти, свѣти, свѣтелъ Мѣсяцъ-свѣтъ,
Ты свѣти, свѣти, Солнце красное,
Ты цвѣти, свѣти, нашъ садовый цвѣтъ,
Ты мечи лучи, сердце страстное.

Ты звони всѣ дни, колокольный звонъ,
Ты пророчь всю ночь, разумъ царственный,
Обведемъ вокругъ четырехъ сторонъ
Нашъ веселый кругъ свѣтодарственный.

Волны бѣлыхъ сновъ закрутимъ въ мятель,
И въ глазахъ гроза будетъ рдяная,
Ты играй намъ Рай, ты воркуй, свирѣль,
Отъ вина съ Небесъ будь какъ пьяная.

ЧТО ЕСТЬ СВѢТЛѢЕ?

Что есть свѣтлѣе пѣнья,
Свѣтлѣй чудотворенья,
Свѣтлѣе, чѣмъ алмазъ,
И чѣмъ Пасхальный часъ?
Что есть свѣтлѣй моленья,
И солнечнаго зрѣнья,
Свѣтлѣй, чѣмъ медъ и кровь?
Любовь, любовь.

Въ любви есть звоны пѣнья,
И свѣтъ чудотворенья,
И жемчугъ, и алмазъ,
И въ часѣ новый часъ.
Въ любви есть свѣтъ моленья,
И солнечное зрѣнье,
Луна, и медъ, и кровь.
Люби—любовь.

БОЖІИ ПЛОТНИКИ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Всѣ работаемъ мы тутъ,
Надъ Судьбою судимъ судъ,
Мы вѣдь Божіи,
Не прохожіи.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходимъ въ мірѣ зря,
За работу—чуть заря,
До вечернихъ росъ
Тешемъ бѣлый тесъ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Намъ топоръ проворный любъ,
Мы здѣсь строимъ бѣлый срубъ,
Топоромъ стучимъ,
Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на Лѣсъ,
Въ Морѣ день воскресъ,
Послужили намъ лѣса,
Вотъ натянемъ паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Коли плыть, такъ плыть,
Новый міръ открыть,
Мы постукиваемъ тутъ,
Стружки словно цвѣтъ цвѣтутъ,
Мы плотнички,
Мы работнички.

СУДИТЬ СУДЬБУ.

Судьба тебя судитъ,—
Ты самъ ее суди.
Судьба тебя нудитъ,—
Ты гляди, что впереди.

Судьба тебя толкаетъ,—
Упреди ее толчокъ.
Судьба набѣгаетъ,—
А ты въ бокъ прыжокъ.

Судьба гонять насъ любитъ,—
На полетъ легка.
Судьба совсѣмъ погубитъ,—
Коль придетъ изподтишка.
А ежели увидитъ,
Что умъ ее ждетъ,—
Судьба насъ не обидитъ,
Возьметъ въ свой полетъ.

ТВОРЦАМЪ СИХЪ САДОВЪ.

О, страдатели, насаждатели, о, садовники сихъ садовъ,
Съ разнородными вамъ породами бой готовится, бой готовъ.

Чуть посѣете сѣмя свѣтлое, сѣмя темное тутъ какъ тутъ,
Чуть посадите стебель крѣпкій вы, травы цѣпкія здѣсь ростутъ.

Чуть посадите цвѣтъ небесный вы, голубой цвѣтокъ, и какъ снѣгъ,
Чуть посадите нѣжно-алый цвѣтъ, слышенъ тихій шагъ, слышенъ бѣгъ.

Надъ цвѣткомъ—часы и толпы минутъ, вотъ подкрался, вотъ бѣгутъ,
Стерегите ихъ, а не то они всѣхъ не бережныхъ стерегутъ.

И когда впадутъ во вниманіе, въ нихъ воздушный звонъ, нѣжный цвѣтъ,
И когда впадутъ въ невниманіе, это—вороны, свита бѣдъ.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники сихъ садовъ,
Цѣпки травы—прочь, и глядите въ Ночь, тьмы минутъ—дадутъ вамъ цвѣтовъ.

КАКЪ ТРАВА.

Человѣкъ на Землѣ
Какъ трава растетъ.
Зачинаясь во мглѣ,
Утра яснаго ждетъ.
За селомъ возростетъ,
И цвѣткомъ расцвѣтетъ,
А въ селѣ—
Воскъ и медъ.

Почему же свѣтла
Божья служба въ ночи?
Потому что жила
Здѣсь трава, и пила
Божій дождь и лучи.

Почему же была
Свадьба душъ весела,
Обошелъ медъ кругомъ?
Потому что пчела
Надъ травою была,
Въ бракъ вошла
Со цвѣткомъ.

КОРАБЛЬ.

Чтобъ Корабль построить нашъ,
Изъ златыхъ мы пили чашъ,
Всѣ испили мы, до дна,
Отъ столѣтняго вина.

И пошли во старый боръ,
Острый выбрали топоръ,
Твердый выбрали мы дубъ,
Чтобъ построить вѣрный срубъ.

Снасти вили мы рукой,
И не то что часъ-другой,
И не то что цѣлый годъ,
Сколько-только Богъ сочтетъ.

И для паруса—въ законъ
Былъ введенъ небесный ленъ,
И зазыбилась, чиста,
Вздутость бѣлаго холста.

Вздулся вѣтеръ и подулъ,
И пошелъ по Морю гулъ,
Вздулся парусъ, задрожалъ,
Теремъ въ Морѣ побѣжалъ.

И чтобъ шелъ корабль легко,
Былъ посаженъ глубоко,
Чтобъ легко онъ въ Морѣ шелъ,
Грузъ богатый былъ тяжелъ.

Опрокинуться нельзя,
Въ Морѣ—вѣрная стезя.
Чтобъ корабль построить нашъ,
Изъ златыхъ мы пили чашъ.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синему Морю Корабль нашъ плыветъ,
Отъ края до края—сіяніе водъ.

Корабль—драгоцѣнный, товары на немъ—
Услада для взора, играютъ огнемъ.

И хочется многимъ товары купить,
Но Рокъ имъ велѣлъ прихотливыми быть.

Коль скупъ ты, давай немудреную мѣдь,
Но, разъ дешевишься, не будутъ горѣть.

Коль бѣденъ, давай намъ послѣднюю мѣдь,
И будутъ рубиномъ играть и алѣть.

А если обманомъ иль силой возьмешь,
Ты вмѣсто сокровищъ—чудовищъ найдешь.

Такъ ѣдемъ мы Моремъ, причалимъ, и ждемъ,
Товары волшебнымъ сіяютъ огнемъ.

И многіе думаютъ—мы колдуны,
И многіе думаютъ—просто лгуны.

Ни тѣмъ, ни другимъ не сказавъ ничего,
Мы дива даемъ съ Корабля своего.

Однихъ осчастливимъ, другихъ же смутимъ,
И снова мы въ Морѣ, и снова мы съ нимъ.

Въ безбрежномъ и нѣжномъ кораллы найдемъ,
И много рубиновъ съ кровавымъ огнемъ.

ВѢЩАНЬЕ.

Мы плыли по свѣтлой вечерней водѣ,
Все были свои, и чужого нигдѣ,
А волны дробились въ своей чередѣ.

Живыя онѣ, голубыя.

Играли мы веслами, чуть шевеля,
Далеко, далеко осталась земля,
Бѣлъ Соколъ—названье того Корабля.

Родные на немъ, все родные.

Сидѣлъ у руля златоокій Пророкъ,
И былъ онъ какъ будто совсѣмъ одинокъ,
И страшный внезапно пропѣлъ онъ намекъ.

Морскія въ немъ страсти, морскія.

Годъ скрѣпился, день сосчитанъ, мигъ бѣжитъ и не вернется,
Часъ назначенъ, въ дикомъ плачѣ словно пыль взметнутся всѣ,
Кто тебѣ казался Богомъ, волколакомъ обернется,
Сорокъ громовъ, водоемовъ, сорокъ молній въ ихъ красѣ.
Бойтесь, бойтесь! Безвозвратно! Ничего ужь не исправишь!
Всѣ убитые—возстали. Всѣ задавленные—тутъ.
Горше всѣхъ лукавствъ убогихъ—что теперь еще лукавишь,
А глаза твои—какъ щели, самъ себѣ назначилъ судъ.

Сидешь—пламень, ляжешь—камень, въ пропасть кинешься—замкнется,
Въ ночь склубишься — сорокъ молній міру выявятъ уклонъ,
Вся Вселенная смутится, и въ сѣдой клубокъ свернется.
Слышишь громы? Сорокъ громовъ! Падай, падай, осужденъ!

Былъ блѣденъ и страшенъ Пророкъ у руля,
И всѣ мы дрожали, вѣщаньямъ внемля,
И волны качали оплотъ Корабля.

Живыя онѣ, голубыя.

Мы поняли, что онъ хотѣлъ намъ сказать,
О безднѣ скорбѣлъ онъ, скользя черезъ гладь,
Мы въ Свѣтѣ, но Бездна должна отстрадать.

Родные грѣхи намъ, родные.

Мы плыли по тихой и свѣтлой водѣ,
Все было свое, и чужого нигдѣ,
Молитву мы пѣли Вечерней Звѣздѣ.

Марія! Марія! Марія!

КОРАБЕЛЬЩИКИ.

Будьте тверды въ бурѣ дикой, корабельщики мои,
Онъ придетъ, кто намъ обѣщанъ въ быстротечномъ бытіи.
Онъ поставитъ мачты крѣпки, паруса несокрушимы,
Онъ направитъ руль глядящій, онъ пронзитъ пожаромъ дымы.
Вспыхнетъ съ нами онъ огнями, какъ комета въ бурной мглѣ,
Онъ ужь съ нами, между нами, на плывущемъ кораблѣ.
Броситъ якорь въ добромъ мѣстѣ, какъ дойдемъ къ завѣтнымъ
далямъ.
Корабельщики, онъ съ нами. Мы причалимъ. Мы причалимъ.

ПЛАВАНІЕ.

Какъ по синему по Морю всѣ мы плыли безъ печали,
Легки вѣтры намъ шумѣли, тихи вѣтры возставали.
Говорили намъ, шептали, что богатый брегъ вдали,
И по синему потоку насъ къ Востоку понесли.

Въ синемъ Морѣ съ каждымъ часомъ ярки птицы намъ мелькали,
И невиданныя рыбы островами возникали,
Мы проплыли три недѣли, счетомъ ровно двадцать дней,
Мы не пили и не ѣли, въ изумленности своей.

Души были въ насъ пѣвучи отъ крылатостей летящихъ,
Въ ароматахъ были тучи, какъ въ цвѣтущихъ вешнихъ чащахъ,
И отъ радости иные низвергались къ грудамъ рыбъ,
Но никто межъ нихъ, пловучихъ, изъ пѣвучихъ не погибъ.

Такъ мы плыли въ синемъ Морѣ, и проплыли три недѣли,
Мы отъ рыбъ засеребрились, вмѣстѣ съ птицами мы пѣли,
И когда приплылъ Корабль нашъ на сіяющій Востокъ,
Каждый былъ пѣвучъ, и свѣтелъ, и угадчивъ, и высокъ.

ДУХЪ СВЯТОЙ.

Духъ Святой по синю Морю надъ водою ходитъ,
Неводъ шелковый по Морю Духъ Святой заводитъ.

Бѣлу рыбицу онъ ловитъ для садковъ садовыхъ,
Золотыхъ Онъ манитъ рыбокъ, самъ въ златыхъ покровахъ.

Ходитъ утромъ, ходитъ ночью, ходитъ на разсвѣтѣ,
Вы довѣрьтесь полномочью, Духу вѣрьте, дѣти.

Въ тонкой сѣти мигъ побывши, выйдите изъ Моря,
Въ садъ предивный вы войдете, свѣтомъ свѣту вторя. .

Въ голубыхъ прудахъ садовыхъ, въ хрусталяхъ-озерахъ,
Поплывете, пробуждая по осокѣ шорохъ.

Въ хороводы ваши глянутъ яблони въ расцвѣтѣ,
Вы не бойтесь, не оковны шелковыя сѣти.

Духъ Святой во грозномъ Морѣ далъ побыть вамъ вволю,
Разъ беретъ васъ, золотую вновь Онъ дастъ вамъ долю.

ТРУБАЧИ.

По горамъ, по горамъ,
Трубачи.
Чу! поютъ и кличутъ намъ.
Солнце встало, шлетъ лучи.

По лугамъ и по лѣсамъ,
По широкимъ небесамъ,
Словно рдяные мечи,
Словно вытянулись въ бой,
По стремнинѣ голубой,
Исполинскіе мечи.
Надъ отшедшей тьмой слѣпой,
Съ золотой своей трубой
Встали, кличутъ, трубачи,
Обѣщаютъ гулко намъ
Золотые дать ключи
Къ тѣмъ жемчужнымъ воротамъ,
За которыми приляжемъ,
Надъ рубиновымъ путемъ,
Мы къ невянущимъ цвѣтамъ.
Такъ вѣщаютъ трубачи,
По горамъ, по горамъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ.

Лѣсъ забытъ. Лишь садъ предъ нами,
Онъ съ высокими стѣнами.
Годъ придетъ, и годъ уйдетъ,
За желѣзными вратами
Здѣсь мы тѣшимся цвѣтами,
Мы мудреными замками
Возбранили чуждымъ входъ,
Братья наши—вѣчно съ нами,
Сестры наши—здѣсь, предъ нами,
Пѣнны чаши за пирами,
Но чего-то сердце ждетъ.
Онъ за дальними морями,
Онъ, Единственный, не съ нами,
Онъ надъ бездной вѣчныхъ водъ.
Мы здѣсь нѣжимся струнами,

Мы здѣсь ходимъ подъ стѣнами,
Онъ надъ вѣчными волнами,
Онъ надъ пропастью идетъ.
Спорить съ вѣтромъ и съ громами,
Вихрь уводитъ въ вышній сводъ,
Громъ предъ нимъ надъ кораблями
Съ свитой молній не падетъ.
Мраку свѣтитъ онъ глазами,
Умъ овѣетъ голосами
И взовьетъ въ живой полетъ.
Тотъ, кто стонетъ, здѣсь онъ, въ храмѣ.
Буря спитъ за облаками,
Но чего-то сердце ждетъ.
Онъ, Единственный, не съ нами,
Онъ ушелъ за жемчугами,
Ходитъ Моремъ, островами,
Опускаетъ въ бездну лотъ,
Шлетъ поклонъ намъ съ журавлями,
Ищетъ днями и ночами,
Онъ найдетъ,
Онъ придетъ.

ТОСКА ДАЛЕКИХЪ.

Я былъ далеко отъ своихъ,
И сильно они тосковали,
И слезы горячія ихъ
Мнѣ ноги мои обжигали.

Тѣ слезы, что пали изъ глазъ,
Земля приняла въ подземелья,
И вотъ, черезъ время и часъ,
Возникли ихъ тайныя зелья.

Одинъ, проходя подъ Луной,
Я слышалъ— Земля говорила,
Со мной, вкругъ меня, подо мной
Дышала горячая сила.

Какъ будто по каплямъ смолы
Ступалъ я—и шелъ изумленный,
И травы качались изъ мглы,
Всѣ стебли—съ росой посеребренной.

И чуть я ко стеблю прильну,
Я вѣдаю, чьи это очи
Восприняли слезъ пелену,
И путь между нами короче.

И чуть я ступлю по Землѣ,
Кого-то люблю я сильнѣе.
Цвѣты расцвѣтаютъ во мглѣ,
Цвѣты раскрываются рдѣя.

И каждый душистый цвѣтокъ,
Луной предо мной осіянный,
Мнѣ съ именемъ шепчетъ намекъ,
И дышитъ, и дышитъ желанный.

ПРОРОКЪ.

Нашъ Пророкъ неложно святъ,
Райски трубы намъ трубятъ.
Прежде чѣмъ явить свой ликъ,
Къ Райскимъ водамъ онъ приникъ.
Прежде чѣмъ насъ въ садъ онъ ввелъ,
Всю Вселенную прошелъ.
Прежде чѣмъ намъ далъ цвѣтовъ,
Вникъ онъ въ книгу Родословъ.

Прежде чѣмъ сошелъ къ намъ съ кручъ,
Слышалъ голосъ вышнихъ тучъ.
Былъ Илья онъ, былъ Энохъ,
Съ нимъ бесѣдовалъ самъ Богъ.
Былъ пресвѣтлый Іисусъ,
Больше молвить не рѣшусь.
Все ли надо возвѣщать?
На отрадахъ есть печать.
Все ли нужно возвѣщать?
Есть жемчужная печать.
Только молвлю, нашъ Пророкъ,
Какъ колодезь, онъ глубокъ.
На Седьмомъ онъ Небѣ былъ,
Тамъ испилъ Небесныхъ силъ.
Грозной тучей возгремѣлъ,
Къ намъ сошелъ какъ голубь бѣлъ.
Онъ при свѣтѣ ярыхъ свѣчъ
Зерна далъ, держалъ къ намъ рѣчь.
Онъ подъ звонъ земныхъ кадилъ
Сущій хлѣбъ для насъ взростилъ.
Далъ намъ медъ, и ввелъ насъ въ садъ,
Въ изумрудный Вертоградъ.
Въ садъ довелъ насъ изъ пустынь.
Всѣмъ цвѣтамъ поклонъ. Аминь.

ЛОВЦЫ.

Сотворилъ Господь пресвѣтлый Ангеловъ Себѣ,
Далъ имъ мощь, да будутъ звѣзды въ сказанной борьбѣ.

Онъ низвелъ съ Небесъ высокихъ свѣточъ золотой,
Повелѣлъ, чтобы вселился въ тѣло духъ Святой.

Выбиралъ для рыбъ глубинныхъ—мудрыхъ Онъ ловцовъ,
Между рыбарей безбѣдныхъ—блѣдныхъ береговъ.

Между бѣдныхъ, но побѣдныхъ—и безбѣдныхъ тѣмъ,
Ибо кто собой владѣетъ, тотъ владѣетъ всѣмъ.

И недаромъ частый неводъ шелъ во всѣ концы,
Тѣхъ, кто любитъ, уловляли вѣщіе ловцы.

Уловивши рыбъ глубинныхъ, не сгубили ихъ,
Но спасли отъ паутинныхъ ковъ и козней злыхъ.

И съ улыбкой каждый рыбарь вѣялъ надъ водой,
Съ высоты Небесъ ниспавшей, вербой золотой.

ВОТЪ.

Вотъ они, живыя,
Мирныя отрады.
Свѣчи восковыя,
Алыя лампады.

Тихія иконы,
Тихій звонъ кадила,
Вѣрность обороны.
Было-ль то, что было?

Мы ли это, мы ли,
Въ ужасахъ незнаній,
Призраками были,
Криками терзаній?

Тѣ же ли мы сами,
Что безъ думъ о Богѣ,
Шли въ ночахъ лѣсами,
По глухой дорогѣ?

Тѣ же ли мы сами,
Что ножомъ играли,
А теперь—во храмѣ,
А теперь—въ хоралѣ?

Тихія моленья,
Тихій звонъ кадила,
Радость всепрощенья.
Было-ль то, что было?

СЛАВА.

Слава святой,
Золотой.
И серебряной,
Мѣдно-желѣзной,
Скрѣпѣ, блюдущей надъ зыбкою бездной,—
Твердой— надъ шаткой водой,—
Твердо-алмазной,
Единосущной—надъ разной,
Многообразною смутой,—
Вѣчной—надъ быстрой минутой,—
Зрящей,
Тысячеокой—
Надъ ночью глубокой,
Спящей,—
Животворящей,
И нераздѣльной,
Цѣльной какъ ликъ корабельный,
Который вовѣки вѣковъ,
Нынѣ и присно, всегда,
Надъ пропастью темныхъ валовъ,
Въ пустынѣ, гдѣ ропщетъ вода,
Въ кипящей рѣкѣ безпредѣльной,
Плыветъ, а надъ нимъ—Звѣзда.
Слава—насъ крѣпко хранящей,

Троицѣ животворящей,
Быстро какъ птица, насъ мчащей
Въ жемчужность садовъ изъ пустынь,
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

КРАСНОЕ КРЫЛЬЦО.

Поставь меня, Отецъ, на красное крыльцо.
Сіяньемъ озари подъятое лицо,
Отецъ, я сохранилъ, мнѣ данное, кольцо.

Поставь меня, Отецъ, на красный свой крылецъ,
Отецъ, благослови смарагдовый вѣнецъ,
Я самъ его надѣлъ,—мнѣ можно такъ, Отецъ?

Я больше не уйду отъ краснаго крыльца,
Тебѣ начала нѣтъ, и нѣтъ тебѣ конца,
Отецъ, твой сынъ пришелъ, твой сынъ нашелъ Отца.

ИРМОСЪ.

Прошли мы сквозь Чермное море,
Надъ Краснымъ взошли на утесъ,
И съ синимъ сіяньемъ во взорѣ
Поемъ благодарный ирмосъ.

Въ расплавленныхъ безднахъ червонца,
Что нашихъ враговъ потопилъ,
Возникло багряное Солнце
Надъ влагой несчетныхъ могилъ.

Узоромъ лѣснымъ осѣненный,
Алѣетъ великій утесъ,
Цвѣты надъ пучиной бездонной
Господь благосклонно вознесъ.

Мольбой, ликованіемъ звона
Восхвалимъ всесильную Длань,
Затѣмъ что нашъ духъ, какъ Іона,
Не отданъ чудовищамъ въ дань.

Затѣмъ что мы всѣ не сгорѣли,
Хоть были въ палящей печи,
Затѣмъ что играютъ свирѣли,
И красные рдѣютъ лучи.

ТРИ ОКНА.

Въ Великомъ Домѣ три окна,
Трисвѣтна каждая стѣна,
Но та хоромина—одна.

Коль ты восхочешь словъ живыхъ,
Въ себѣ, въ сестрѣ, и въ Мірѣ—ихъ
Найди, и пой жемчужный стихъ.

Одно окно есть вышина,
Окно другое—глубина,
А третье—жизнь, а жизнь—Весна.

ЧЕТЫРЕ СТѢНЫ.

Четыре стѣны, и на каждой стѣнѣ
Здѣсь по три округлости видится мнѣ,
По три окна въ вышинѣ.

На Сѣверъ, Закатъ, на Востокъ, и на Югъ,
Все тотъ же, очерченный правильно, кругъ,
Тройчность выгнутыхъ дугъ.

Вотъ бѣлыя льдяности, дремлющій снѣгъ,
Утихнувшихъ водъ прекратившійся бѣгъ,
Радость безтрепетныхъ нѣгъ.

Вотъ маки кровавые, трижды жерло,
Желанье къ желанью, узывно-свѣтло,
Страстно такъ, красно, тепло.

Вотъ нѣжность, три круглыхъ жемчужныхъ щита,
Въ мерцаніяхъ дружныхъ вражда, красота,
Жаждутъ и страждутъ уста.

Вотъ три изумруда, сіяющій лугъ,
Три луга и бѣлыя птицы вокругъ,
Югъ восклицаютъ, на Югъ.

ПЯТЬ СВѢЧЪ.

Дикирій и трикирій,
Пять свѣчъ—до смерти съ нами.
Пока мы бродимъ въ мірѣ,
Нашъ путь—съ пятью свѣчами.

Конецъ, начало, Вѣчность,
О, троичность святая,
Начальная есть млечность,
И млечность—снѣжность Рая.

Съ одра встаетъ калѣка,
Ведетъ его дорога
Отъ Богочеловѣка
До Человѣкобога.

Рипиды, опахала
Изъ перія павлина,
Хранятъ его начало,
Отецъ нашъ добръ для Сына.

И таинство пречистыхъ
Несчетныхъ Евхаристій
Отъ радуг тѣхъ перистыхъ
Стократно золотистѣй.

Когда же Серафимы
Провѣютъ надъ дарами,
Въ молитвенные дымы
Восходимъ мы свѣчами.

И служитъ слухъ и зрѣнье,
Конецъ и Вѣчность съ нами,
Въ скончаньи—возрожденье,
Всѣ звѣзды за свѣчами.

ЖЕРТВЕННИКЪ.

Жертвенникъ. Чаша на немъ и звѣздица.
Свѣтъ, остріе копія.
Духомъ я вижу пресвѣтлыя лица,—
Край, и безкрайность моя.

Въ этомъ златомъ и узорномъ потирѣ
Кровь превратилась въ вино.
Свѣтъ копія не напрасенъ былъ въ мірѣ,
Таинство дней свершено.

Былъ Вителеемъ. Золотая страница.
Кончилась—тамъ, на Крестѣ.
Въ мірѣ же свѣтитъ и свѣтитъ звѣздица,
Манитъ, дрожитъ въ высотѣ.

Вотъ, копіе просфору пронизало,
Жертвенникъ ждетъ въ алтарѣ.
Къ Солнцу—что было здѣсь бѣло и ало,
Въ вѣчной восходитъ зарѣ.

ХЛѢБЫ, ПШЕНИЦА, ВИНО, И ЕЛЕЙ.

Хлѣбы, пшеница, вино, и елей,
Вотъ они, тутъ.
Силы живыя Небесныхъ зыбей
Голубя свѣютъ,—толпы голубей
Къ дару земному
Лелѣйно прильнутъ,
Внемля, въ безгласности, тайному грому,
Молніямъ радуясь, и дождевому
Току, дающему намъ изумрудъ,
Зная и слыша, что Дальній—вотъ тутъ.

ЛИТУРГІЯ ВЪ ЛИТУРГІИ.

Свѣтильники, кадильницы, моленія, и звонъ.
Цвѣты, и птичье пѣніе, трава, и небосклонъ.

Деревья съ ароматами ихъ тайностей, ихъ сновъ,
Всѣ чувства съ ихъ возвратами въ разымчивость пировъ.

При яркомъ свѣтѣ солнечномъ—свѣтильникъ восковой,
При сладкомъ духѣ яблони—кадильницъ духъ живой.

При свѣтломъ дымѣ яблочномъ—кадильницъ синій дымъ,
Глядятъ на насъ Небесные—и мы на нихъ глядимъ.

Поютъ въ вѣтвяхъ крылатыя—и тутъ толпы поютъ,
Уютно тамъ—въ вершинностяхъ, въ долинахъ здѣсь—уютъ.

И свадьба ли свершается, молебенъ ли мечты,
Хвалебенъ гласъ молитвенный, хвалебны всѣ цвѣты.

ПЕРВЫЙ СПАСЪ.

Яблоки, орѣхи, медъ,
Это—первый Спасъ.
Сколько сладости течетъ,
Сколько свѣжихъ нѣжныхъ водъ,
Сколько ядеръ лѣсъ даетъ,—
Все для насъ.

Яблонь бѣлая, въ цвѣту,
Усладила пчелъ.
Сколько пѣній налету,
Сколько блесковъ, не сочту,
Міръ весною въ Красоту
Весь вошелъ.

Если-жъ Осень подошла,
Конченъ путь Весны,
Радость первая свѣтла.
Лѣто—жарче. Страсть пришла.
Виденъ весь узоръ узла.
Дышатъ сны.

Зрѣетъ все. Осенній часъ.
Яблокъ—плодъ живой.
Прежде всѣхъ плѣнилъ онъ насъ,
Ядра съ нимъ—въ числѣ прикрасъ,
Медъ. Какъ сладокъ первый Спасъ,
И второй.

ВО САДУ.

Во саду—саду зеленомъ
Изстари—богато.
Тамъ ключи журчатъ со звономъ,
Встанетъ все, что смято.
Яблонь бѣлая дышала,
Сердцу было больно.
Въ сердцѣ было: „Мало! Мало!“
Богъ сказалъ: „Довольно“.

Во саду—саду зеленомъ
Сердце мы сдержали.
Проходили мы по склонамъ,
И несли скрижали.
Сладки яблочки сбирали,
Рдянилося чудо.
Красны яблочки мы клали
На златое блюдо.

Во саду—саду зеленомъ
Блескъ мы громоздили.
Предъ сіяющимъ амвономъ
Цвѣтъ былъ въ новой силѣ.
Наше Солнце было ало,
Къ Богу пѣло вольно:
„Вотъ возьми! Прости, что мало!“
Богъ шепнулъ: „Довольно“.

ВЪ ТЕРЕМѢ ВЫСОКОМЪ.

— Что тамъ въ теремѣ высокомъ непонятно говорятъ?
— Потаенно говорятъ тамъ, волю Божію творятъ.
— Что тамъ въ теремѣ высокомъ, бѣлы звѣзды иль цвѣты?
— Если любишь бѣлы звѣзды, такъ входи туда и ты.

— А коль я люблю не звѣзды, а цвѣточекъ голубой?
— Все есть въ теремѣ высокомъ, тамъ и сонъ вчерашній твой.
— Что же въ теремѣ высокомъ, что я буду говорить?
— Все узнаешь, знай лишь сердце волю Божію творить.

ОТЪ НЕБА КЪ НЕБУ.

Въ сонмахъ Восточныхъ
Дальнихъ Небесъ,
Въ мигахъ урочныхъ,
Въ звеньяхъ чудесъ,
Былъ я, ходилъ я,
Меда вкусилъ я,
Свѣта испилъ я,
Снова исчезъ.

Но не на Землю
Вновь я ушелъ,
Высшему внемлю,
Былъ мнѣ глаголъ.
Есть безтѣлесны,
Выси чудесны,
Круги Небесны,
Въ нихъ я вошелъ.

Тамъ, безъ скончанья,
Свѣты для всѣхъ,
Нѣтъ тамъ вѣнчанья,
Лишній тамъ смѣхъ.
Смѣхъ—наше зелье,
Въ немъ есть похмѣлье,
Тамъ же веселье
Вѣчныхъ утѣхъ.

Въ тихой и связной
Сказкѣ побывъ,
Внявъ, что алмазный
Путь есть красивъ,
Сталъ я звѣздою,
Палъ надъ водою,
Мысль съ молодою
Кровію сливъ.

Въ темныя ночи,
Въ тайность вступилъ,
Вызвѣздилъ очи
Вѣяньемъ силъ.
Вновь на Землѣ я,
Радуюсь, млѣя,
На Кораблѣ я
Буду, какъ былъ.

ЗАКЛЯТІЕ.

Ни отцу, ни матери, ни племени, ни роду
Тайное души своей ты не предавай.
Кто не сопричислился духомъ къ Хороводу,
Пусть въ своемъ скитается. Вольныхъ не замай.

Разному нѣтъ слитія. Да будетъ. Обѣщаюсь.
Если же повѣдаю, что внутренно, во вне,
Всей Землей отрипутый, нигдѣ да не вмѣщаюсь,
Солнцемъ опрокинутый, да таю на огнѣ.

ВЪ ЧЕРТОГѢ.

Долго, днями и ночами,
По таинственной дорогѣ,
Многосложными путями
Я въ святомъ блуждалъ Чертогѣ.

Въ зиму, днями и ночами,
Проходя законы строги,
Я съ духовными свѣчами
Былъ во внутреннемъ Чертогѣ.
Въ лѣто, днями и ночами,
Возлюбивъ расцвѣты многи,
Я закрытыми очами
Всѣ богатства зрѣлъ въ Чертогѣ.

И теперь я не въ гаданьи
Зрю, но въ самомъ откровеньи,
Я въ негаснущемъ сіяньи,
Въ безконечномъ восхожденьи.
И теперь я не въ гаданьи
О мірскомъ предназначеньи,
Я въ великомъ ожиданьи,
Въ вѣчно-новомъ восхожденьи.
И гадая—не въ гаданьи—
Я угадываю въ пѣньи,
Во вселенскомъ я сіяньи,
Во всемірномъ восхожденьи.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТЕРЕМЪ.

Теперь, какъ постигъ я тончайшую мудрость всего,
Хочу я пожить на Землѣ осторожно,
Чтобъ могъ я во всемъ освѣздить Вещество,
Отъ зла уклоняясь—какъ только возможно,
И свыше сего,
Лишь то противъ воли своей принимая,
Что воля означитъ: „Сіе—непреложно".
И волю дыханьемъ духовнаго Мая
Настолько цвѣтя,
Настолько ея существо умножая,

Чтобъ даже сама,
Для насъ непреложная, Вѣдьма-Зима,
Блестя,
Царицей-Зимою содѣлалась намъ,
Просвѣтленной,
Въ мятели—свирѣли, и зовъ по струнамъ,
Серебряный теремъ заснувшимъ цвѣтамъ,
Съ густой бахромой оснѣженной,
И будто бы смерть на минутку—а тамъ.
За часомъ, надъ часомъ, высокій, бездонный,
Идущій въ начальность, звѣздящійся Храмъ.

СТИХЪ ВЕЧЕРНІЙ.

На зарѣ, зарѣ вечерней,
Полнопѣвнѣй, равномѣрнѣй,
Золота труба трубила,
Говорила для своихъ,
И дрожала въ сердцѣ сила,
Многострунный рѣялъ стихъ.

Въ Небѣ хлопья свѣтлыхъ дымовъ,
Словно крылья Херувимовъ,
Расцвѣчались озаренно,
Обнимали небосклонъ,
И качался повторенно
Въ тихихъ вѣтрахъ долгій звонъ.

Послѣ утра золотого
Пламень дня расплавленъ снова,
И въ небесномъ вышнемъ храмѣ
Засвѣтились зеркала,
Въ золотой широкой рамѣ
Тишь вечерняя свѣтла.

ИКОНОСТАСЪ.

На моемъ иконостасѣ—Солнце, Звѣзды, и Луна,
Колосъ, цвѣтъ въ расцвѣтномъ часѣ, и красивая Жена,
Облеченная въ свѣтила, въ сочетаньи ихъ такомъ,
Какъ когда-то въ мірѣ было въ ночь предъ первымъ нашимъ днемъ.

А еще въ плодахъ деревья красятъ мой иконостасъ,
Ширь пустынь, ключи, кочевья, звѣздосвѣтность ждущихъ глазъ,
Несмолкающая птица, блескъ негаснущихъ огней,
И пресвѣтлая Дѣвица, лучъ послѣднихъ нашихъ дней.

ПРОТИВОГЛАСНИКИ.

Эти звоны, антифоны, въ царствіи Твоемъ,
То на правомъ, то на лѣвомъ клиросѣ поемъ.

Клиросъ—крылосъ, по-простому назовемъ его,
Тутъ—обилье, это—крылья духа Твоего.

Два ихъ, два ихъ, влѣво, вправо, царственный полетъ,
Въ насъ—Твоя святая слава, голосъ Твой поетъ.

Раннимъ утромъ духъ восходитъ въ высь по степенямъ,
Вправо, влѣво, ходитъ, бродитъ, водитъ путь по днямъ.

То налѣво, полный гнѣва, рдяный отъ страстей,
То направо, нелукаво ищетъ чти Твоей.

Всходы лѣстницъ, въ той дорогѣ, разные всегда,
То обрывны, то отлоги, всходитъ череда.

Все же всходитъ, путь находитъ череда молитвъ,
Въ двоегласьи, въ двоечасьи битвъ, смертей, ловитвъ.

И отъ юности насъ борютъ страсти, тьма—ихъ счетъ,
Но во всѣхъ—Твоя есть воля, голосъ Твой поетъ.

Мы—уклоны, мы—амвоны, все, что хочешь Ты,
Въ безднахъ бродимъ, но восходимъ—къ безднамъ Высоты.

СВѢТЕ ТИХІЙ.

Свѣте тихій пречистыя славы негасимыхъ сіяній Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.
Мы пришли до закатнаго Солнца, свѣтъ вечерній увидѣли мы,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, надъ великимъ разлитіемъ тьмы,
Свѣтъ вечерній увидѣвъ, поемъ мы—Мать и Сына и Духа-Отца,
Свѣте тихій, ты жизнь даровалъ намъ, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.
Ты во всѣ времена есть достоинъ въ преподобныхъ хваленіяхъ
быть,
Свѣте тихій, сіяй намъ, сіяй намъ, научи насъ въ сіяньяхъ любить.
Свѣте тихій, весь міръ тебя славитъ, ты, сіяя, нисходишь въ псалмы,
Ты спокойная радуга міра, надъ великимъ разлитіемъ тьмы.
Свѣте тихій, закатное Солнце, свѣтъ вечерній дневного Отца,
Свѣте тихій, сіяй намъ чрезъ ночи, Свѣте тихій, сіяй безъ конца.

ПАНАГІЯ.

О, Марія, ты—Стихія,
Ты—волна съ вѣнцомъ изъ пѣны!
Ты—сіянья золотыя,
Что въ Эдемѣ красятъ стѣны!
Согрѣвая, ты—живая,
Какъ просторъ Небесъ окружный!
Ты—молитва голубая,
Ликъ съ оправою жемчужной!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей планеты,

Ты есть пламень незаемный,
Намъ взаймы дающій свѣты!
Ночью темной, водоемной,
Изливающей созвѣздья,
Ты—часовни миръ укромный,
Путь прощенья въ тьмѣ возмездья!
О, Марія, въ зимы злыя
Радость Мая голубая!
Сердцу міра—сны златые,
Панагія, Всесвятая!

КЪ ДѢВѢ МАРІИ.

Дѣва Марія,
Море-Стихія,
Чистая совѣсть-душа.
Будешь ли съ нами?
Будь съ голубями,
Ты какъ разсвѣтъ хороша.

Съ огненной хотью,
Съ Марѳою-плотью
Много намъ было хлопотъ.
Дѣва Марія,
Въ областяхъ Змія,
Свѣтишь ты въ пропасти водъ.

Марѳу не кинемъ,
Мы не остынемъ,
Рдяность мы любимъ всегда.
Дѣвѣ Маріи
То не впервые,
Знаетъ, горитъ какъ Звѣзда.

Свѣтитъ съ зарею,
Съ жаркой сестрою
Вѣкъ нераздѣльна она.
Дня ожидаетъ,
Видитъ, и таетъ,
Будетъ—какъ будетъ нужна.

Днемъ истомимся,
Днемъ запылимся,
Вечеръ насъ будетъ пугать.
Тутъ-то насъ встрѣтитъ,
Тутъ насъ привѣтитъ
Нѣжная юная Мать.

Будетъ лелѣять,
Будетъ намъ вѣять
Сномъ надъ глубокой водой.
Пристанью станетъ,
Жемчугомъ глянетъ,
Яркой Вечерней Звѣздой.

Матерь и Дѣва,
Въ вихрѣ напѣва
Мы погружаемся въ Ночь.
Дѣва Марія,
Море-Стихія,
Тихаго, Вѣчнаго Дочь.

МАРѲА И МАРІЯ.

— Марія, Марія,
Ты нравишься больше Ему.
Очи твои—голубыя,
А мои—затаили тьму.

Волны волосъ у тебя золотыя,
А пряди мои словно черныя змѣи сошли
До самой земли,
Какъ черныя змѣи,
Не подниму.
Марія, Марія, бѣлѣе ты водной лилеи,
Ты какъ серпъ новолунній свѣтла,
У меня въ волосахъ, въ ихъ раскидистомъ мракѣ,
Лишь сонные,
Словно углемъ всегда озаренные,
Красные маки,
И я смугла.
Марія, Марія, идти ли мнѣ нынѣ въ пустыни,
Взгляни въ мое сердце, увидишь, какъ я терплю.
Сестра, ты прозрачна, ты ближе къ небесной святынѣ,
Но вѣдь я же Его люблю.
— О, Мареа, сестра моя, черный алмазъ драгоцѣнный,
Не плачь и не жалуйся, пышный факелъ ночной,
Ты пылающій пламень надъ зыбью морей перемѣнной,
Ты костеръ въ непроглядной ночи,
Ты бросаешь въ тревогу ночную лучи,
Въ тотъ таинственный часъ, какъ надъ влагою пѣнной
Солнце уснуло съ Луной.
Ты смотришь сейчасъ,
Какъ будто не вѣря,
Хоть вѣрить желая.
Сіяй всею силою, черный алмазъ,
Не будь тебя въ мірѣ, была бы чрезмѣрна потеря.
Сестра молодая,
Ты любишь, ты знаешь, люблю ли, и любитъ Онъ насъ,
Но обѣ мы свѣтимъ, о вѣрь мнѣ, не зная,
Кто больше желаненъ Ему.
Сестра дорогая, къ чему
Намъ знать это? Лишь бы, Пресвѣтлый, любилъ Онъ,
И нами, и нами обрадованъ былъ Онъ,
И можетъ быть, любитъ Онъ насъ—наравнѣ.

Сестра, ты дрожишь, ты прижалась ко мнѣ,
Ты сіяешь въ мои голубые глаза.
Что коврами узорными,—
Какъ гроза,—
Ты своими изсиня-черными
Всю покрыла меня волосами.
Сестра, ты дрожишь, какъ лоза,
Прерывисто дышишь.
Ты слышишь?
Онъ съ нами!

ВЪ ПОЛЯХЪ ГОЛУБЫХЪ.

Ходила Дѣва по чистому полю,
Не въ зеленыхъ поляхъ, въ голубыхъ.
Гуляла въ поляхъ, нагулялася вволю,
И запѣла пѣвучій стихъ.
И запѣла, и были глубоки намеки,
Что сложились въ тѣ звѣздныя строки.
А навстрѣчу идетъ къ ней Христовъ пророкъ,
Привлеченъ осіянностью строкъ.
„Что ходишь ты, Дѣва, по чистому полю?
О чемъ ты поешь свой стихъ?“
„— Я Сына ищу, и завѣтную долю.
Гдѣ Сынъ?“—„Здѣсь, въ поляхъ голубыхъ.
Ты дальше иди, о, поющая Дѣва,
Три древа увидишь, три древа.
И древо одно—кипарисовое,
Другое же древо—анисовое,
А третье еще—барбарисовое.
Изъ трехъ этихъ древъ есть построенный храмъ,
Три птицы поютъ пѣсни райскія тамъ,
„Аллилуйя!“ поютъ, „Аллилуйя!“ поютъ.

Сынъ сидитъ въ высотѣ. Травы нѣжно цвѣтутъ.
Голубыя они,
Словно Море кругомъ.
Сынъ сидитъ на престолѣ своемъ золотомъ,
Золотые и синіе всюду огни.
Ночи въ черныхъ одеждахъ къ престолу идутъ.
И подходятъ румяные дни.
И цвѣты, наклоняясь, цвѣтутъ.
Словно синее Море кругомъ.
Онъ насъ ждетъ осіянный". — „Идемъ!"

ДѢВА.

Дѣва днесь высочайшаго,—
Изъ колодца воды зачерпнувъ, изъ колодца міровъ глубочайшаго,—
Намъ рождаетъ,—Его,
Въ безднѣ бездна—одного,
Намъ нельзя безъ кого,
Возлюбившаго насъ и сладчайшаго.
„Дѣва, Дѣва", поетъ вышина,
Не Жена,
„Дѣва, Дѣва", отвѣтствуя, кличетъ вертепъ,
И вскрывается ледъ, содрогается склепъ,
„Дѣва, Дѣва", Весна надъ пустыней снѣговъ,
Знаменья шествуютъ,
Ангелы пѣсню поютъ межь скудныхъ благихъ пастуховъ,
Волхвы со Звѣздой путешествуютъ,
Несутъ умащенья въ ларцахъ,
Изъ нихъ благовонный вздохъ,
Сіяетъ Звѣзда въ Небесахъ,
Ничего намъ больше не надо,
Родися намъ дитятко младо,
Родися превѣчный Богъ.

БОЖІЙ ДРУЖОКЪ.

— Богу милое дитя,
Что живетъ, звѣздой блестя,
Богу миленькій дружокъ,
Онъ куда всегда бѣжитъ?
За моря, или въ лѣсокъ?
— Нѣтъ, во ясляхъ онъ лежитъ.
И хоть міръ прошелъ онъ весь,
Онъ смѣется съ нами здѣсь.
— Но куда жь сейчасъ ушелъ?
И куда же онъ забрелъ?
— Онъ въ вертепы заходилъ,
Тамъ рождался звонъ кадилъ.
Глянетъ въ нищенскій онъ домъ,
Домъ горитъ златымъ огнемъ.
Онъ къ разбойникамъ зайдетъ,
Ангелъ въ сердцѣ зломъ поетъ.
И хоть міръ прошелъ онъ весь,
Вотъ онъ въ сердцѣ, вотъ онъ здѣсь.

КРЕЩЕНІЕ.

Мы крестились Христомъ,
Мы крестились крестомъ,
Обвитымъ звѣздами, цвѣтами.
Мы крестились Водой,
Навсегда молодой,
Мы крестились Огнемъ.
Часомъ ночи и днемъ,
Мы за Солнцемъ идемъ,
И звѣздами.
Мы въ Христа облеклись,

Мы какъ свѣчи зажглись,
Въ Пасхальномъ сіяющемъ храмѣ.
Мы возникли какъ звонъ
Въ аллилуйѣ временъ,
Серафимы—въ одномъ,
Херувимы—въ другомъ,
Мы съ Христомъ, онъ во всемъ,
Со звѣздами.

ПРОСТИ.

Прости меня, Небо съ Землею, и Солнце, и Мѣсяцъ и Звѣзды,
Простите вы, горы, и долы, озера, лѣса, и поля,
Воздушныя птицы, простите, коль ваши увидѣлъ я гнѣзды,
Простите, травинки, бродилъ я, былинки ногой шевеля.

Простите вы, звѣри лѣсные, что васъ я тревожилъ по чащѣ,
Простите вы, рыбы, что васъ я, рѣкой проплывая, пугалъ,
Мы были когда-то всѣ вмѣстѣ, а въ этотъ нашъ мигъ настоящій
Разъяты мы рознью, какъ страны—подъятьемъ запутанныхъ скалъ.

Простите меня, цвѣтокрылки, которыхъ зовутъ мотыльками,
Я васъ отъ цвѣтовъ отгоняю—невольно, когда прохожу,
Я братъ вамъ, не будьте врагами, мы вызваны тѣми жь лучами
На ту же--мнѣ зримо—на ту же, великую въ Мірѣ, межу.

ИЗЪ ЛѢСА ВЪ САДЪ.

Какъ изъ Лѣса въ Садъ
Черезъ тьму идешь,
Тамъ слѣды горятъ.
Гдѣ дорога въ Садъ?
Въ чащѣ—острый взглядъ,
Словно свѣтлый ножъ.

Много тамъ слѣдовъ,
Гдѣ вѣка прошли,
Много тамъ цвѣтовъ,
Много тамъ плодовъ,
Пиръ всегда готовъ.
Гдѣ онъ, Садъ? Вдали!

Выявляетъ Лѣсъ
Много дивъ своихъ.
Межь густыхъ завѣсъ
Не видать Небесъ,
Но и здѣсь воскресъ
Тоже звучный стихъ.

Вѣковѣчный кругъ,
Онъ и здѣсь воскресъ.
Сѣверъ есть и Югъ,
И Востокъ и другъ,
И зеленый лугъ
Для живыхъ тѣлесъ.

Возлежи, пируй,
Всѣхъ цвѣтовъ не счесть,
Ты цвѣтокъ, ликуй,
Нѣженъ лепетъ струй,
О, цѣлуй, цѣлуй,
Если губы есть!

А когда къ устамъ
Красный льнетъ закатъ,
По златымъ слѣдамъ,
Мы къ инымъ цвѣтамъ,
Мы къ плодамъ-звѣздамъ
Удалимся въ Садъ.

ДУХЪ НАШЪ.

— Духъ нашъ, скажи! Духъ нашъ, пророчь!
Отчего мы въ зарѣ и однако въ печали?
— Ибо въ темную ночь
Свѣтъ Христовъ вы проспали.
Кто проспалъ, тѣмъ на дню невозможно помочь.

— Духъ, помоги! Духъ, измѣни!
Опрокинуть не можемъ ли часъ нашъ и время?
— Будутъ новые дни,
Сѣйте свѣтлое сѣмя,
Стебель въ новые дни, возростивъ, наклони.

— Духъ, мы хотимъ! Духъ, преклонись!
Мы глядимъ, мы не спимъ, не уснемъ, помоги намъ!
— Обойми кипарисъ.
Спи. Но, чуть по долинамъ
Брызнутъ росы, проснись, и молись, и молись.

ПРОЩАНІЕ.

Ты прости-прощай, тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, ликъ земной.
Ты лежишь теперь, онѣмѣлое,
Онѣмѣлое подъ Луной.

Я жила въ тебѣ, тебя нѣжила,
Въ тебѣ нѣжила сонъ вѣнца.
Но меня всегда ты мятежило,
Ты мятежило безъ конца.

А теперь пора разставаться намъ,
Разставаться намъ—такъ всегда.
Нужно въ Небо мнѣ, вновь скитаться тамъ,
Вновь скитаться тамъ, какъ звѣзда.

Я отдамъ тебя на съѣденіе,
На съѣденіе злымъ червямъ.
Все же бывшее единеніе,
Единеніе радость намъ.

Ты служило мнѣ зыбкой лѣстницей,
Зыбкой лѣстницей къ вышинѣ.
Я была тебѣ свѣтлой вѣстницей,
Свѣтлой вѣстницей въ нѣжномъ снѣ.

И когда опять въ мірѣ встрѣтимся,
Въ мірѣ встрѣтимся въ должный часъ,
Другъ во другѣ мы въ мигъ отмѣтимся,
Вмигъ отмѣтимся блескомъ глазъ.

Но хотя вдвойнѣ возрожденіе,
Возрожденіе приметъ свѣтъ,
Для минувшаго—возвращенія,
Возвращенія больше нѣтъ.

И любя любовь, и любя тебя,
И любя тебя вдвое вновь,
Будемъ счастливы, о быломъ скорбя,
О быломъ скорбя сквозь любовь.

ДУХОВНЫЙ САДЪ.

Темный и свѣтлый духовный нашъ Садъ,
Солнце зашло, но не гаснетъ закатъ,
Красныя вишни, златой виноградъ.

Ягодки словно цвѣты—барбарисъ,
Въ яблокахъ ясно румянцы зажглись,
Темный, какъ теремъ ночной, кипарисъ.

Нѣжно обнявшись съ послѣднимъ лучомъ,
Лилія дремлетъ и грезитъ. О чемъ?
Ужъ не отпуститъ тотъ лучъ, ниочемъ.

Въ чашу вбирая, но тѣмъ не губя,
Пресуществляя, вдыхая, любя,
Бѣлая, приметъ златистость въ себя.

Скоро ночная сойдетъ тишина,
Лилія будетъ блѣдна, но видна,
Въ свѣты одѣта, и тайной сильна.

КАЖДЫЙ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ.

Каждый есть церковь, и въ каждомъ есть звоны,
Въ каждомъ высоко восходятъ амвоны.
Только когда
Онъ это забудетъ,
Свѣта убудетъ,
Сердце воскликнетъ, что сумракъ хорошъ,
Свѣта убудетъ,
И гаснетъ звѣзда.

Что-жь,
Сумракъ красивъ,
Захватистъ и весело-пѣнистъ разливъ,
Полая ширью владѣетъ вода.
Сумракъ хорошъ,
Можно ль уму возбранить
Выткать—какую понравится—нить?
Вольной быть хочетъ душа,

Своевольная тьма хороша.
Если вода затопила угодья,
Это весна,
Пиръ полноводья.
Полая влага однако мутна,
Полыя воды—стоячія,
До предѣла всей мощи дошли.
Вспыхните, помыслы зрячіе,
Пусть зазыбится въ должныхъ предѣлахъ волна.
О, внемли,
Своевольница, мысль человѣческая,
Звѣздныя зерна разсыпала въ сумракъ, тамъ вонъ, вдали,
Чья-то рука,
Пахаря длань и отеческая.
Звѣздную стелютъ дорогу вѣка,
Звѣздныя росы,
Храмы встаютъ, озаряя откосы,
Звѣздныя капли въ качаньяхъ морей,
Звѣздныя души, къ молитвѣ идите, звѣздныя души, скорѣе, скорѣй.

ЧЕТЫРЕ ЗНАКА.

Поюще,
Вопіюще,
Взывающе,
Глаголюще.

Орломъ сѣдымъ поюще,
Тельцомъ вопіюще,
Могучимъ львомъ взывающе,
Какъ человѣкъ глаголюще.

Четыре знака намъ,
Мирволющихъ страстямъ,
Ликъ четырехъ путей,
Въ различности страстей.

Орлиное пѣнье, орлиныя крылья,
Мычанье и кротость тельца,
Львиный прыжокъ, все мое—безъ усилья,
И голосъ, глаголанье, гулъ безъ конца.

Куда ты захочешь, смотри,
И все, что восхочешь, бери,
Ты думалъ, путей только три,
Ихъ въ мірѣ безбрежномъ четыре.

Ты—въ Мірѣ,
Мірское—бери.

Я беру себѣ крылья орлиныя,
Хоть люблю я уютный хозяйственный міръ,
Я беру себѣ шири пустынныя, львиныя,
И стозвонное пѣніе лиръ.

Четверично—различно—стократно—единое.

Проходя по воздушнымъ путямъ,
Я увидѣлъ безмѣрную долю,
Отъ страстей черезъ страсти къ страстямъ и страстямъ
Улетаю, какъ всѣ—имъ мирволю,
Но, когда я начну говорить, я глаголю,
И когда я пою, возвѣщаю я волю,
Что въ великомъ кипѣньи страстей,
Чрезъ которое должно пройти,
Чтобъ узнать о единомъ пути,
О пути—отъ путей,
Въ голубой небосводъ,
Гдѣ душа избереть изъ различности всей
Лишь просторъ—и полетъ.

ХЕРУВИМСКАЯ.

Выше, ниже, Херувимы, образующіе тайно
Свѣтъ и крылья, свѣтъ и дымы, ликъ возникшій не случайно,
Жизнь творящей, нисходящей, восходящей ввысь огнемъ,
Трисвятую, Трисвятѣйшей, трисвятую пѣснь поемъ.

Да Царя, чей голосъ—громы въ вихряхъ огненнаго дыма,
Чье величіе—на копьяхъ свитой Ангельской носимо,
Мы подымемъ, свѣта примемъ тріединаго Лица,
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя безъ конца.

НА ДОНУ.

Это было на Дону, на Дону,
Вотъ ужь третью я весну не усну.
И къ чему жь я буду спать, буду спать?
Сирота нашелъ Отца, встрѣтилъ Мать.
Тамъ на тихомъ на Дону—Царскій Домъ,
Я пришелъ въ пути своемъ въ Царскій Домъ.
А при Домѣ этомъ садъ, нѣжный садъ,
И горитъ, да не сгоритъ, тамъ закатъ.
И горитъ, который годъ, тамъ восходъ,
Хоть считай, хоть не считай, спутанъ счетъ.
И, какъ тайна, по древамъ свѣтитъ Храмъ,
Всѣ листы-цвѣты, какъ свѣчи, свѣтятъ тамъ.
И со всѣхъ тамъ сторонъ слышенъ звонъ,
Изъ какихъ колоколецъ льется онъ?
Изъ златыхъ колоколецъ, иль сердецъ?
Гдѣ начало этой пѣсни, гдѣ конецъ?
И отъ птицъ исходитъ гласъ, столь пѣвучъ,
Что во церкви тамъ пробилъ быстрый ключъ.
Ключъ зацѣлъ, закипѣлъ, побѣжалъ,
Въ синемъ Морѣ, на просторѣ, пѣнный валъ.

Я глядѣлъ, поглядѣлъ, сталъ я бѣлъ,
Я съ ключомъ надъ цвѣткомъ звонко пѣлъ.
Чудеса. Небеса—мой Отецъ,
Мать-Земля—моя Мать наконецъ.
У Отца—два вѣнца на челѣ,
Златъ вѣнецъ, бѣлъ вѣнецъ, свѣтъ во мглѣ.
Мать мою онъ въ смарагды одѣлъ.
Я пою. Или вѣчно я пѣлъ?

МОЯ ГОЛОВУШКА.

Ты пропой, моя головушка, соловушкомъ въ саду,
Ты воспой, моя головушка, Вечернюю Звѣзду.

Ты пропой, моя головушка, о всѣхъ качеляхъ дней,
Ты воспой, моя головушка, качанье въ глубь ночей.

Ты пропой, моя головушка, про Каму про рѣку,
Ты воспой всѣхъ красныхъ дѣвушекъ, ночную ихъ тоску.

Ты пропой, моя головушка, про рѣку про Курень,
Ты воспой всѣхъ добрыхъ молодцевъ, уведшихъ ночи въ день.

Ты пропой, моя головушка, о вербѣ золотой,
Ты воспой ея цвѣтеніе надъ вешнею водой.

Ты пропой, моя головушка, что Море хочетъ рѣкъ,
Ты воспой, моя головушка, какъ святъ есть Человѣкъ.

КО ПРЕСТОЛУ КРАСОТЫ.

У Престола Красоты
Все лазоревы цвѣты,
А еще есть бѣлы,
А еще есть бѣлы.

Тайно въ сердце поглядимъ,
Тамъ мы путь опредѣлимъ
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

Ко Престолу Красоты,
До высокой высоты,
Я дойду, и ты, и ты.
Братья, будемъ смѣлы,
Братья, будемъ смѣлы.

Въ каждомъ сердцѣ—тайный храмъ,
Тамъ иди по ступенямъ
Въ сумраки безбрежны,
Въ сумраки безбрежны.

Темны горницы пройдешь,
Свѣтлы горницы найдешь,
Свѣтлы, безмятежны,
Свѣтлы, безмятежны.

Ввысь, по лѣстницамъ крутымъ,
Все впередъ неукротимъ,
Лучъ увидишь, ты за нимъ,
Сестры, будемъ нѣжны,
Сестры, будемъ нѣжны.

Тотъ, кто первый кончитъ путь,
Можетъ руку протянуть
Въ вышніе предѣлы,
Въ вышніе предѣлы.

А за нимъ, рука съ рукой,
Въ высь взойдетъ еще другой,
Братъ съ сестрою бѣлой,
Братъ съ сестрою бѣлой.

Вмѣстѣ всѣ, и я, и ты,
Ко Престолу Красоты,
Какъ на яблонѣ цвѣты,
Души, будьте смѣлы,
Души, будьте смѣлы.

ЭТО БУДЕТЪ.

Это будетъ—по вѣснѣ.
Самъ Пророкъ повѣдалъ мнѣ.
Это явится въ тотъ годъ,
Какъ въ высотахъ зацвѣтетъ,
Сонъ всемірный, Цвѣтъ-Гора,
Что изъ злата, серебра,
И вселенскаго Огня.
Это будетъ—для меня,
Для тебя, и для другихъ,
Для своихъ, и для чужихъ,
И для каждаго, для всѣхъ,
Онъ исчезнетъ, темный грѣхъ.
Отойдетъ, какъ черный дымъ.
Потечетъ Рѣка-Сладимъ,
Позлатится Втай-Рѣка,
Приметъ въ воды всѣ вѣка,
Укрѣпится Шатъ-Рѣка,
Широка и глубока,
А по водамъ Тѣнь-Рѣки
Заиграютъ огоньки,
А по вскипамъ Тѣнь-Рѣки
Засверкаютъ свѣтляки.
Во Вселенной, въ пѣньи струй,
Все-то будетъ поцѣлуй.
Это будетъ. Свѣтлый смѣхъ,
Разъ во мнѣ, онъ есть во всѣхъ.
Есть ли тьма, коль я горю?
Это будетъ, говорю.

СТРУНЫ.

— Кто сказалъ въ началѣ?
Сколько словъ? О чемъ?
— Въ роковомъ началѣ
Струны заиграли
Въ Небѣ золотомъ.

— Сколько капель въ валѣ,
Пѣнистомъ, морскомъ?
— Струны колдовали,
Капель не считали
Въ Небѣ голубомъ.

— Та ли жизнь въ печали,
Какъ въ огнѣ живомъ?
— Струны прозвучали,
Пѣсней все вѣнчали
Въ Небѣ огневомъ.

— Будетъ ли въ опалѣ
Кто въ концѣ святомъ?
— Свѣтъ конца—въ началѣ
Струны вѣще знали
Въ Небѣ золотомъ.

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫЯ.

Ризы нетлѣнныя,
Вѣнцы семигранные,
И друзья неизмѣнные,
И слова необманныя.

И для вольныхъ полей
Много пышныхъ стеблей.
И въ лугахъ табуны
Богатырскихъ коней.
И Луна съ вышины
Съ свитой солнечныхъ дней.
И дрожанье струны
Все нѣжнѣй и нѣжнѣй.

И когда, день за днемъ,
Завершается годъ,
Серпъ звенитъ за серпомъ,
Жатвы хочетъ, поетъ.
Новый стебель ростетъ,
Новый колосъ горитъ.
Умножается счетъ,
Изумрудъ, маргаритъ.
Бриллианты ростутъ,
Ночи бархатъ плетутъ.

Золотую иглу
Кто-то держитъ, и шьетъ.
Бисеръ вызвѣздилъ мглу,
Умножается счетъ.

Свѣтятъ ризы нетлѣнныя,
И вѣнцы семигранные.
Вольны бывшіе плѣнные,
Струнны радости жданныя.

ЖЕРТВА БОЖЬЯ.

Жертва Божья умиленна, онъ оставилъ ширь пустынь,
Садъ развелъ, воздѣлалъ нивы, истребилъ въ поляхъ полынь.
Кипарисныя древа онъ насадилъ въ своемъ саду,
Онъ до Запада отъ Моря обозначилъ борозду.

Корень длиненъ и развилистъ въ должномъ мѣстѣ утвердилъ,
Міръ сердецъ сростивъ въ единость, тѣмъ возростилъ цвѣтистость
силъ.
Возросли благоуханно листья, вѣтви, цѣлый садъ,
Благодатный и снѣжистый, вызрѣлъ бѣлый виноградъ.
Прилетѣла птица Соколъ, золотой, спустился внизъ,
Сѣлъ, жемчужный, сѣлъ, алмазный, на высокій кипарисъ.
Въ славномъ градѣ во Сіонѣ, Соколъ сѣлъ среди вѣтвей,
У него сидитъ подъ сердцемъ сладкозвучный Соловей.
Херувимомъ, серафимомъ, на двѣнадцать голосовъ,
Распѣваетъ на двѣ смѣны, по двѣнадцати часовъ.
Чинны, дѣйственны, старинны, и первичны пѣсни всѣ,
Въ нихъ, созвонныхъ, благовонны всѣ цвѣты въ своей красѣ.
Ахъ ты пташечка пѣвуча, какъ утѣшила ты насъ,
Звѣзды всѣ--Седьмого Неба—ты влила въ текущій часъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

— Здравствуй, братецъ. Ты былъ въ Лѣсѣ?
— Братецъ, здравствуй. Гдѣ онъ, Лѣсъ!
Весь пройденъ.—Христосъ Воскресе!
— Братъ, воистину воскресъ.

СВѢТЛИЦА.

Во полѣ чистомъ,
Цвѣткомъ снѣжистымъ,
Стояла свѣтлица,
Въ свѣтлицѣ Дѣвица.
Свѣтлѣй червонца,
Бѣлѣе снѣга,
Краснѣе Солнца,
Желаннѣй брега.

Виднѣе свѣта,
Виднѣе зорь,
Въ лучи одѣта,
Съ лучомъ не спорь.

Во чистомъ полѣ,
На вольной волѣ,
Сіяетъ свѣтлица,
Межь дѣвъ тамъ Дѣвица.
Ихъ убираетъ:
„Свѣтитесь, дѣвицы!“
И къ нимъ взываетъ:
„О, голубицы!
Не озирайтесь
На сны пустынь.
А простирайтесь
Впередъ. Аминь!“

ВЕРТОГРАДЪ.

Тотъ, кто вступитъ въ Вертоградъ,
Кровью сердца купитъ садъ,
Будетъ лишь о томъ жалѣть,
Что за этотъ ароматъ
Мало онъ понесъ утратъ,
Что терзаться былъ бы радъ,
А была воздушна сѣть,
Что за этотъ пышный садъ,
Желтый, красный виноградъ,
Синій, черный виноградъ,
Что за этотъ свѣжій садъ
Весь не можетъ онъ сгорѣть,
Жить и вмѣстѣ умереть.

ВИНОГРАДАРЬ.

— Отчего подъ солнцемъ—разный
Виноградъ?
Ты скажи мнѣ рѣчью связной,
Я послушать буду радъ.
— Я скажу тебѣ: зеленый
Оттого, что зеленъ садъ,
Оттого, что далъ законы
Намъ Зеленый Вертоградъ.
Изумрудно-золотистый
Оттого, что въ Небесахъ
Свѣтитъ Солнце въ день огнистый,
Мѣсяцъ златъ горитъ въ ночахъ.
Виноградъ бываетъ красный
Оттого, что въ сердцѣ кровь
Въ храмъ тѣлесный, въ храмъ атласный.
Вводитъ къ празднику любовь.
Виноградъ бываетъ синій
Оттого, что пламень синь
Надъ небесною пустыней,
Въ ночь какъ громъ поетъ „Аминь“.
Виноградъ бываетъ черный
Оттого, что Ночь черна,
Хоть бросаетъ въ садъ узорный
Зерна звѣздныя она.
Виноградъ бываетъ бѣлый
Оттого, что бѣлы мы,
Хоть бѣлѣй мы въ побѣлѣлый
Праздникъ пляшущей Зимы.

НЕ ЗАБЫВАЙ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Мы всѣ тамъ были, и будемъ вновь,
Гласитъ Любовь.
Престолы Неба, сады планидъ—
Для всѣхъ, кто зритъ.
Несчетны Солнца, жемчужность Лунъ—
Для всѣхъ, кто юнъ.

А здѣсь, покуда свершаемъ чудо
Любви къ любви.
Мы вѣчно юны, какъ звонки струны,
Мой зовъ лови.

Я здѣсь сіяю призывомъ къ Маю,
Міръ вброшу въ звонъ.
О, свѣточъ Рая, ты, молодая,
Ты, сонъ временъ.

Я Вѣчность—съ днями, пожаръ—съ огнями,
Въ ночи—набатъ.
Я теремъ новый, утокъ основы,
Я быстрый взглядъ.

Я—здѣсь, съ громами, съ колоколами,
Съ игрой зарницъ.
Я крикъ чудесныхъ и благовѣстныхъ
Весеннихъ птицъ.

Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.
Когда ты счастливъ, отъ счастья нѣмъ,
Онъ здѣсь, Эдемъ.

Когда ты теменъ, и мракъ—твой взглядъ,
Онъ близокъ, Адъ.
Седьмое Небо, блаженный Рай
Не забывай.

ЧТО ГОРИТЪ?

Гляди, погляди,
Моя бѣлая сестра,
Моя бѣлая сестра.
Что горитъ позади?
Что горитъ впереди?
Чѣмъ горитъ вся гора?

Гляжу, погляжу,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ,
Я тебѣ разскажу,—
Какъ пройдемъ мы межу,
Чѣмъ высоты горятъ.

За нами—пожаръ,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ.
Послѣдній пожаръ
Зловражескихъ чаръ
Отошедшій чадъ.

Предъ нами—Сіонъ,
Мой бѣлый братъ,
Мой бѣлый братъ.
Весь міръ освященъ,
Мы—въ Немъ, въ насъ—Онъ
Градъ двѣнадцати вратъ.

Какъ мнѣ легко,
О, путь серебра,
Моя бѣлая сестра.
Мы были глубоко,
Воспарили высоко,
Моя бѣлая сестра.

ТАМЪ.

Тамъ, гдѣ пиршествуютъ Ангелы, гдѣ пируетъ Духъ Святой,
Тамъ, гдѣ въ синемъ свѣтитъ ладанѣ огнь червонно-золотой,
Тамъ, гдѣ кедрами Ливанскими намъ упроченъ потолокъ,
Гдѣ, являя изобиліе, смотритъ лилія въ потокъ,
Гдѣ любому сотрапезнику умащенья есть въ ларцахъ,
Гдѣ въ глаза былому бездннку смотрятъ вѣстники въ вѣнцахъ,
Гдѣ съ восторженностью жаркою вѣчно вновь глядятъ глаза,
Гдѣ вмѣнилась въ перстни яркіе грозовая бирюза,
Гдѣ завѣсы златотканныя весь являютъ звѣздный сводъ,
Гдѣ летаетъ птица странная и всегда къ веснѣ зоветъ,
Гдѣ, покуда всякъ обѣдаетъ, вѣчно музыка слышна,
А никто-никто не вѣдаетъ, чей напѣвъ и чья струна,
Я иду, и въ свѣты пирные я веду тебя, сестра,
И вѣнецъ твой—златъ-сапфировый, башмачокъ—изъ серебра.

ЗВѢЗДОЗАКОННИКИ.

Звѣздники, звѣздозаконники,
Божіей воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цвѣтопоклонники,
Здѣсь въ Вертоградѣ мы всѣ
Въ невыразимой красѣ.

Бездники, стали мы звѣздники,
Въ Вечери мы сотрапезники,
Цвѣтопоклонники,
Звѣздозаконники,
Хлѣбъ и вино—въ хоровомъ,
Во всеокружномъ поемъ.

НЕТЛѢННОЕ.

Мы найдемъ въ нашемъ теремѣ свѣтлый покой,
Гдѣ игрою столѣтій украшены стѣны,
Гдѣ лишь сказкою, пѣснею стали измѣны,
Чтобъ за мигомъ былъ мигъ, за восторгомъ другой.

Я тебѣ загляну въ безконечную душу,
Ты заглянешь въ мою, какъ взглянула бъ въ окно,
Мы поймемъ, что слiяніе намъ суждено,
Какъ не можетъ волна не домчаться на сушу.

Ты мнѣ скажешь: „Мой милый! Нарядъ приготовь.“
На тебя я надѣну нетлѣнное платье.
Я тебя заключу—заключаю въ объятья,
Мы найдемъ—мы нашли—въ нашемъ сердцѣ—любовь.

БѢЛЫЙ ПАРУСЪ.

Прости, Солнце, прости, Мѣсяцъ, Звѣзды ясныя, простите,
Если что не такъ я молвилъ про волшебность Корабля,
Если что не досмотрѣлъ я, вы меня ужъ просвѣтите,
Ты прости мои роспѣвцы, Мать моя, Сыра Земля.

Можетъ, я хожденье въ словѣ и постигъ, да не довольно,
Можетъ, слишкомъ я въ круженьи полюбилъ одну сестру,
Какъ тутъ быть мнѣ, я не знаю, сердце плачетъ богомольно,
Но не всѣхъ ли я прославлю, если ей цвѣты сберу.

Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды ясны, Мать Земля, меня простите,
Ленъ въ поляхъ я возрощаю, дамъ обильно конопли,
А моя сестра сумѣетъ изъ цвѣточковъ выткать нити,
И сплететъ намъ бѣлый парусъ съ голубымъ цвѣткомъ „Люблю“.

ТРИ ИПОСТАСИ.

Три ипостаси душъ: познавшіе, борцы,
И вскипы новъ. Ихъ три. Три лика душъ, не болѣ.
Сплетаясь, свѣтъ и тьма идутъ во всѣ концы,
Но имъ въ концѣ концовъ—разлука, поневолѣ.

Сплетаются они, цѣлуются они,
Любовныя ведутъ, и вражескія рѣчи,
Но вовсе отойдутъ отъ сумраковъ огни,
Увидѣвъ цѣликомъ себя въ послѣдней встрѣчѣ.

Познавшіе, когда изъ этой смѣны дней
Уходятъ, къ нимъ идутъ три духа свѣтовые,
Съ одеждою, съ водой, съ огнемъ—къ душѣ, и ей
Указываютъ путь въ Чертоги Міровые.

Борцы, уйдя изъ дней, встрѣчаютъ тѣхъ же трехъ,
Но демоны еще встаютъ съ жестокимъ ликомъ,
И нѣтъ одеждъ, шипитъ вода съ огнемъ,—и вздохъ,
И снова путь, борьба—межъ пѣніемъ и крикомъ.

А вскипы новъ, уйдя, вступаютъ въ темный строй,
Лишь кое-гдѣ горитъ созвѣздной сказки чара,
И снова сны кипятъ, вскипаютъ волей злой,
И будутъ такъ до дня всемірнаго пожара.

Три ипостаси душъ, и двѣ ихъ, и одна,
Отпрянетъ свѣтъ отъ тьмы, и вызвѣздятся духи,
А сонмы тѣлъ сгорятъ. Всемірная волна
Поетъ, что будетъ „Вновь“. Но пѣсня гаснетъ въ слухѣ.

РАЗЛИВЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Разливъ зари вечерней отходитъ на отливъ,
На стеблѣ, полномъ терній, червонный цвѣтъ красивъ,
Багряные туманы плывутъ надъ моремъ нивъ.

Среди колосьевъ желтыхъ—какъ очи, васильки,
И маки—побережье разлившейся рѣки,
Чьи воды—зрѣлость злаковъ, чьи воды—широки.

Концовъ Земли—четыре, и Адъ, и Рай, всѣхъ шесть,
Концовъ Земли—четыре, на каждомъ Ангелъ есть,
А всѣхъ ихъ въ свѣтломъ мірѣ, какъ звѣздъ почныхъ, не счесть.

Четыре шестикрылыхъ токъ вѣтровъ стерегутъ,
На дремлющихъ могилахъ—цвѣты, и тамъ, и тутъ.
Насъ всѣхъ молитвы милыхъ отъ тьмы уберегутъ.

Коль здѣсь мы не успѣли соткать себѣ парядъ,
Коль свѣтлыя свирѣли не завлекли насъ въ садъ,
Въ замѣну Вертограда увидишь мрачный Адъ.

Но, тамъ побывъ во мракахъ положенные дни,
Познавъ, что въ звѣздныхъ знакахъ—доточные огни,
Ты выйдешь къ свѣту въ макахъ,—тогда не измѣни.

Минутность заблужденья—пройденная ступень,
За падшаго моленье—какъ въ правдѣ житый день,
Сіяньемъ восхожденья удѣлъ земной одѣнь.

Концовъ Земли—четыре, и страшныхъ два, всѣхъ шесть,
Судебъ Земли—четыре, при каждой Ангелъ есть,
Служите Міру—въ мірѣ, дорогъ Судьбы не счесть.

А ЧТО ВВЕРХУ?

Сіонъ-Гора—сіяніе,
Высокое, горячее.
Голгоеъ-Гора—страданіе,
Стоокое, всезрячее.
А что́ вверху, у Батюшки,
Мученье иль восторгъ?
А что́ вверху, у Матушки,
Что́ Сынъ изъ тьмы исторгъ?

Ужь если есть паденіе,
Есть лѣстница съ низинъ.
Сіонъ-Гора—видѣніе,
Сходилъ къ низинамъ Сынъ.
И сходитъ Онъ воистину,
Еще премного разъ,
Когда любовь и истину
Мы прячемъ въ тайность глазъ.

Въ глаза Онъ къ намъ, въ правдивые,
Съ Голгоеъ-Горы спускается,
Узнавъ, что мы—счастливые,
Отъ боли отторгается.
Ведетъ насъ снизу къ Батюшкѣ,
Въ превыспренность зыбей.
Въ Сіонъ-Горѣ, у Матушки,
Есть садъ для голубей.

ПОСЛѢДНЕЕ ВИДѢНІЕ.

Я видѣлъ видѣнье,
Я вспрянулъ съ кровати,
На коей, недужный,
Воззрился я въ темь.

Небесны владѣнья,
Сорвались печати,
Печати жемчужны,
Число же ихъ семь.

Ночные предѣлы,
Крутились туманы,
Какъ пасти ужасны,
Надъ битвой ночной.
И конь тамъ былъ бѣлый,
И конь былъ буланый,
И конь тамъ былъ красный,
И конь вороной.

И были тамъ птицы,
И были тамъ звѣри,
И были тамъ люди,
И ангеловъ—тьмы.
Въ лучахъ огневицы
Пылали всѣ двери,
Въ неистовомъ чудѣ
Тамъ были и мы.

Сквозь каждыя двери,
Стѣнные разломы,
Сквозь трещины, щели,
Врывались лучи.
И выли всѣ звѣри,
И били ихъ громы,
Подъ звоны свирѣли
Ихъ сѣкли мечи.

И ликъ былъ тамъ львиный,
И ликъ былъ орлиный
И ликъ человѣчій,
И ликъ былъ тельца.

Ломались спины,
Крушились вершины,
Въ безжалостной сѣчѣ,
Въ крови безъ конца.

Въ небесныхъ пожарахъ,
Въ верховныхъ разрывахъ,
Стояли четыре
Небесныхъ гонца.
И малыхъ и старыхъ,
Какъ стебли на нивахъ,
Косили всѣхъ въ мірѣ,
Въ огнѣ безъ конца.

И только надъ крышей
Той бездны безбрежной,
Той сѣчи кровавой
Звѣрей и людей.
Все выше и выше,
Какъ сонъ бѣлоснѣжный,
Взносились со славой
Толпы голубей.

ДУХЪ БРАЧУЮЩІЙ.

Отошла за крайность міра молнегромная гроза,
Надъ омытымъ изумрудомъ просіяла бирюза,
И невысказаннымъ чудомъ у тебя горятъ глаза.

Темный лѣсъ съ бродящимъ звѣремъ словно въ сказку отступилъ,
Садъ чудесъ, высокій теремъ, пересвѣтъ небесныхъ силъ,
Въ Бога вѣримъ иль не вѣримъ, Онъ въ насъ вѣритъ, не забылъ.

Обручилъ съ душою душу Духъ Брачующій, Господь,
Обвѣнчалъ съ водою сушу, чтобъ ступала твердо плоть,
Хлѣбъ всемірный не разрушу, хоть возьму себѣ ломоть.

Стало сномъ, что было ядомъ, даль вселенская чиста,
Мы проходимъ въ теремъ садомъ, нѣтъ врага въ тѣни куста,
Надъ зеленымъ Вертоградомъ веселится высота.

ВЪ ВЕЛИКОМЪ ЗАРЕВѢ.

Вотъ, я прочелъ, не отрываясь
Все то, что долженъ былъ прочесть,
Въ великомъ заревѣ сливаясь
Со всѣмъ, что въ Звѣздахъ звѣздно есть.

И тамъ, гдѣ эти свѣчи Рая
Не достигаютъ Красоты,
Я буквы вычеркнулъ, стирая,
Кривыя выпрямилъ черты.

И тамъ, гдѣ, въ Вѣчность воплощаясь,
Возникла цѣльно кривизна,
Я долго медлилъ, восхищаясь,
Воскликнувъ: „Да живетъ она".

И тамъ, гдѣ въ стройныя колонны
Сложились строки прямоты,
Я стихъ пропѣлъ, и, многозвонны,
Возникли храмы и цвѣты.

И тамъ, гдѣ въ очи смотрятъ очи,
Гдѣ на звѣзду глядитъ звѣзда,
Благословилъ я дни и ночи,
И быть велѣлъ имъ навсегда.

Въ великой граматѣ, единой,
Въ гремящей книгѣ Родословъ,
Гдѣ каждый листъ взнесенъ пучиной,
За каждой буквой сонмъ вѣковъ.

ДРЕВО.

Нашъ Садъ есть единое Древо,
Съ многолиственнымъ сонмомъ вѣтвей.
Его насадила лучистая Ева,
Въ вѣкахъ и вѣкахъ непорочная Дѣва,
И Жена,
И Матерь несчетныхъ дѣтей.

Нашъ Садъ посребряетъ Луна,
Позлащаетъ горячее Солнце,
Сіянье заоблачныхъ славъ,
Изумруды для стволъ-облекающихъ травъ
И листовъ
Намъ даруетъ свѣченье нездѣшнихъ морей,
И хоть нѣтъ тѣмъ морямъ береговъ,
Можно въ малое зрѣть ихъ оконце,
Что въ душѣ раскрывается въ малыхъ озерахъ очей,
Въ духѣ тѣхъ, кто, отъ вѣчнаго Древа
Воспринявши цвѣточную пыль,
Такъ покоренъ качанью зеленыхъ вѣтвей,
Какъ покоренъ вѣтрамъ легкозвонный ковыль,
Гдѣ звучитъ—не звучитъ многозвучность напѣва.
И сіяетъ нашъ Садъ, и цвѣтетъ,
И цвѣты голубые даетъ
Хороводно-раскинутый Синь-небосводъ.
И съ безсмертной усмѣшкой Адамъ
Повѣствуетъ о Евѣ плѣняющей намъ,
Подъ раскидистой тѣнью единаго Древа.

СЕДЬМЫЯ НЕБЕСА.

Когда раскрылись намъ Седьмыя Небеса,
Когда подъ звонкій гулъ златого колеса,
Промчались въ высотѣ толпы крылатыхъ птицъ,
Мы чувствовали всѣ, что свѣтитъ намъ краса
Непризрачныхъ существъ, нездѣшнихъ колесницъ.

Надъ каждымъ колесомъ, на нѣкой высотѣ,
Былъ голубь, словно снѣгъ въ нагорной красотѣ,
Четверократный блескъ надъ каждымъ, кто былъ тамъ,
Земное все—не то, а эти въ высяхъ—тѣ,
И можно съ ними быть, и это видно намъ.

Какъ быстры кони всѣ. Какъ сказоченъ ихъ видъ.
Въ очахъ у каждаго былъ камень-маргаритъ.
А тѣло—стройное, жемчужно-пышный хвостъ,
У каждаго изъ устъ сіяніе горитъ,
Какъ будто онъ испилъ отъ разнствующихъ звѣздъ.

И гривою взмахнувъ жемчужною своей,
Ярился каждый конь дрожаніемъ ноздрей,
А вождь крылатыхъ тѣхъ держалъ въ рукѣ ключи,
Всѣхъ жаждущихъ онъ мчалъ къ нагорностямъ, скорѣй,
Туда, гдѣ первый день, послѣдніе лучи.

ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда Солнце въ зенитѣ,
Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорваться съ Небесъ,
И краски изъ радугъ служили какъ ткани, узоры, и нити,
Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова воскресъ.

Кругомъ него рдѣнiлись громы въ обрывныхъ разгнѣванныхъ
тучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздiй какъ свѣчи горѣли предъ нимъ,
И гроздья пылающихъ молнiй цвѣтами раскрылись на кручахъ,
„Храните-ли Слово“?—онъ молвилъ,—мы крикнули съ воплемъ:
„Хранимъ“.

„Я первый“, онъ рекъ, „и послѣднiй“,—и гулко отвѣтили громы,
„Часъ жатвы“, сказалъ Звѣздоокiй. „Серпы приготовьте. Аминь“.
Мы вѣрной толпою возстали, на Небѣ алѣли изломы,
И семь золотыхъ семизвѣздiй вели насъ къ предѣламъ пустынь.

ПРОРОЧЕСТВО БОЖЬИХЪ ЛЮДЕЙ.

По лѣвую сторону, въ одѣяніи страшномъ,
Души грѣшныя, сумраки лицъ.
Свѣтъ и тьма выявляются, какъ въ бою рукопашномъ,
Все расчислено, падайте ницъ.

По правую сторону, въ одѣяньи лучистомъ,
Тѣ, которыхъ вся жизнь жива.
Золотые ихъ волосы—въ красованьи огнистомъ,
Какъ подъ солнцемъ ковыль-трава.

Минуты отшедшiя, не вспыхнувши золотомъ,
Тяжелымъ упали свинцомъ.
И въ полѣ не полотомъ, и въ сердцѣ расколотомъ
Все размножилось цѣпкимъ волчцомъ.

Вы, время забывшiе, вы Мiра не видѣли,
Хоть къ Мiру пiявка и льнетъ.
Себя не украсивши, вы Солнце обидѣли,
Васъ Солнце, васъ Вѣтеръ сомнетъ.

Глаза ваши мертвые какъ будто бы вдѣланы,
Какъ будто они изъ стекла.
И стрѣлами будутъ дѣла, что не сдѣланы,
Зачѣмъ васъ Земля родила?

Лежите въ болотахъ гнилыми колодами,
Въ жерлѣ ненасытныхъ котловъ.
Но къ Солнцу—кто солнечный—веселыми всходами—
Взойдетъ до жемчужныхъ садовъ!

ДВѢНАДЦАТИВРАТНЫЙ.

И городъ былъ чистый и весь золотой,
И словно онъ былъ изъ стекла,
Былъ вымощенъ яшмой, украшенъ водой,
Которая лентами шла.

Когда раскрывались златыя врата,
Вступали пришедшіе—въ плѣнъ,
Имъ выйти мѣшала назадъ красота
Домовъ и сіяющихъ стѣнъ.

Сіянье возвышенныхъ стѣнъ городскихъ,
Съ числомъ ихъ двѣнадцати врать,
Внушало пришедшему пламенный стихъ,
Включавшій Восходъ и Закатъ.

Въ стѣнахъ золотилось двѣнадцать основъ,
Какъ въ годѣ—двѣнадцать временъ,
Изъ цѣнныхъ камней, изъ любимцевъ вѣковъ,
Былъ каждый оплотъ соплетенъ.

И столько по счету тамъ было камней,
Какъ дней въ семитысячьи лѣтъ,
И къ каждому ряду причтенъ былъ межь дней
Еще высокосный расцвѣтъ.

Тамъ былъ гіацинтъ, и небесный сафиръ,
И возлѣ смарагдовъ—алмазъ,
Карбункулъ, въ которомъ весь огненный міръ,
Топазъ, хризолитъ, хризопрасъ.

Просвѣчивалъ женской мечтой маргаритъ,
Опалъ, сардониксъ, халцедонъ,
И чуть раскрывались цвѣтистости плитъ,
Двѣнадцатиструнный былъ звонъ.

И чуть въ просіяньи двѣнадцати вратъ
На мигъ возникали дома,
Никто не хотѣлъ возвращаться назадъ,
Крича, что внѣ Города—тьма.

И тутъ возвѣщалось двѣнадцать часовъ
Съ возвышенныхъ стѣнъ городскихъ,
И мѣсяцы, въ тканяхъ изъ вешнихъ цвѣтовъ,
Кружились подъ звончатый стихъ.

И тотъ, кто въ одни изъ двѣнадцати вратъ
Своею судьбой былъ введенъ,
Вступалъ—какъ цвѣтокъ въ расцвѣтающій садъ,
Какъ звукъ въ возростающій звонъ.

ОСАННА.

— Что было у васъ за пирами?
— Цвѣточныя чаши, любовь.
— Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
— Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
— Своя иль чужая?—Смѣшались.
— А пѣсни?—Всегда объ одномъ.
— Въ какой же странѣ вы остались?
— Осанну, Осанну поемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Кормщикъ	9
Втай-Рѣка	9
Шатъ-Рѣка	10
Тѣнь-Рѣка	10
Сладимъ-Рѣка	11
Свирѣльникъ	12
Ангелъ Встрѣчъ	12
Адамъ и Ева	13
Райское дерево	15
То древо	16
Два Шестикрылыхъ	17
Братъ и Сестра	18
Братъ съ Сестрой	19
Божья Книга	20
Голубица	21
Какъ сонъ	22
Птица Райская	23
Голубь	24
Улети	24
Воркунокъ	25
Свадьба душъ	26
Приходи	26
Отчего	27
Для сестры	28
По благодати	29
Шутка цвѣтовъ	29
Одежды разны	30
Божій Храмъ	30
Черному Врану	31
Завѣтъ	31

	Стр.
Въ Богѣ	32
Вѣнчаніе	32
Звѣздное Причастіе	33
Золотыя Зерна	34
Свѣча	34
Свѣтъ чудесный	35
Чудо	35
Безъ конца	36
Стихъ Корабельный	37
Посланіе къ Голубицѣ	37
Горлицы-Голуби	38
Каждый	39
Слово Божіе	39
Ангелы Небесные	39
Ключи	40
Куда же?	40
Чужимъ	41
Простые	42
Аксамитъ	42
Отъ четырехъ сторонъ	43
Голубка съ Голубкомъ	43
Голубиныя повадки	44
Свѣтлый Лѣсъ	45
Свадьба	45
Голубая Заутреня	46
Кошница	47
Садъ мой садъ	47
Незабудочка	48
Вѣтеръ буенъ	48
Цвѣточки	49
Лѣсная Сказка	50
На кроваткѣ	52
Сонъ	53
Прозрачность	54
Заворожилъ	54
Крутой бережокъ	55
Бѣлая пташка	56
Жемчужина Перламутровна	57
Въ раковинѣ	58
Звѣздная мысль	58
Вершинный сонъ	59
Ладанъ	59

	Стр.
Во Храмѣ ночномъ	60
Тихій Донъ	61
Голосъ	62
Богъ живой. (Голуби)	63
Богъ живой. (Горлицы)	63
Азъ есмь Богъ	64
Нѣтъ другого ученія	64
Грѣхъ одинъ	65
Четвероклятіе	66
Общники святости	67
Исходъ	67
Къ Сладимъ-Рѣкѣ	68
Женихъ	69
Златой Ткачъ	69
Гусляръ	70
Влѣдный братъ	71
Хороводъ	72
Братья-Сестры	73
Свѣтись, свѣтись	73
Радуйся	74
Раскрытые улья	74
Взбранный Воевода	75
Саваоѳъ	75
Погоня	76
Веселый рой	76
Царь-Духъ	77
Гусли	77
Верховный Гость	78
Пляска двухъ	79
Да	79
Радѣніе	80
Въ тайной горницѣ	81
Ты свѣти, свѣти	82
Что есть свѣтлѣе?	83
Божіи плотники	83
Судить Судьбу	84
Творцамъ сихъ садовъ	85
Какъ трава	86
Корабль	86
Волшебный Корабль	87
Вѣщанье	88
Корабельщики	90

	Стр.
Плаваніе	90
Духъ Святой	91
Трубачи	91
Единственный	92
Тоска далекихъ	93
Пророкъ	94
Ловцы	95
Вотъ	96
Слава	97
Красное Крыльцо	98
Ирмосъ	98
Три окна	99
Четыре стѣны	99
Пять свѣчъ	100
Жертвенникъ	101
Хлѣбы, пшеница, вино, и елей	102
Литургія въ Литургіи	102
Первый Спасъ	103
Во Саду	104
Въ Теремѣ высокомъ	104
Отъ Неба къ Небу	105
Заклятіе	106
Въ Чертогѣ	106
Серебряный теремъ	107
Стихъ вечерній	108
Иконостасъ	109
Противогласники	109
Свѣте Тихій	110
Панагія	110
Къ Дѣвѣ Маріи	111
Марѳа и Марія	112
Въ поляхъ голубыхъ	114
Дѣва	115
Божій дружокъ	116
Крещеніе	116
Прости	117
Изъ Лѣса въ Садъ	117
Духъ нашъ	119
Прощаніе	119
Духовный Садъ	120
Каждый есть Церковь	121
Четыре знака	122

Стр.

Херувимская 124
На Дону 124
Моя головушка 125
Ко Престолу Красоты 125
Это будетъ 127
Струны 128
Поля блаженныя 128
Жертва Божья 129
Христосъ Воскресе 130
Свѣтлица 130
Вертоградъ 131
Виноградарь 132
Не забывай 133
Что горитъ? 134
Тамъ 135
Звѣздозаконники 135
Нетлѣнное 136
Бѣлый парусъ 136
Три ипостаси. 137
Разливъ вечерній 138
А что вверху? 139
Послѣднее видѣніе 139
Духъ Брачующій 141
Въ великомъ заревѣ 142
Древо 143
Седьмыя Небеса 144
Звѣздоликій 144
Пророчество Божьихъ Людей 145
Двѣнадцативратный 146
Осанна 147

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.8

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov